

Семейная тайна

Автор:

Т. Браун

Семейная тайна

Т. Дж. Браун

Аббатство Саммерсет #1

1913 год. Англия. Эпоха короля Эдуарда. Высшее аристократическое общество, в котором живут по неписаным, но незыблемым законам.

Три молодые женщины, вынужденные после смерти отца переехать в огромное поместье дяди неподалеку от Лондона, не желают подчиняться традициям. Ровена Бакстон считает, что в человеке главное не богатство и не положение в обществе, ее младшая сестра Виктория мечтает поступить в университет и стать ученым, как ее отец. Выросшая и воспитанная вместе с ними Пруденс Тейт, дочка горничной, мечтает занять достойное положение в обществе. Узы, связывающие этих трех женщин, сильнее, чем узы крови. Они бросают вызов высшему свету в годы, когда над Англией сгущаются тучи грядущей войны.

Впервые на русском языке!

Т. Дж. Браун

Аббатство Саммерсет. Книга 1. Семейная тайна

SUMMERSET ABBEY

by T. J. Brown

Copyright © 2013 by Teri Brown

All rights reserved

© И. Колесникова, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Я посвящаю эту книгу отцу.

Он родился в 1916-м, во время Первой мировой войны, и многое пережил. При его жизни человек высадился на Луне, появилась Всемирная паутина, а его непослушная младшая дочь стала писательницей. Не знаю, что поразило его больше.

Я люблю тебя, папа.

Глава первая

Пруденс Тэйт задержалась перед арочным входом, чтобы Виктория успела собраться с духом. Внутри церкви виднелось такое множество шляп с черными перьями, что казалось, туда слетелась стая ворон. Из помещения плыл запах ладана, увядших цветов и древних молитв, но Пруденс едва ли замечала такие вещи.

Хрупкая Виктория содрогалась от горя и усталости.

– Неужели я должна туда идти? – чуть слышно выдохнула она.

Виктория родилась раньше срока, и роды стоили матери жизни. Девочка всегда была хрупкой, но живой темперамент с лихвой восполнял недостаток здоровья, и лишь недавняя смерть отца сумела погасить живой блеск небесно-голубых глаз.

– Мы обязаны.

Пруденс ласково приобняла девушку за плечи. По лицу Виктории катились слезы, и Пруденс опасалась, что та расклеится прежде, чем они дойдут до алтаря.

Похороны всегда следовали заведенному порядку, не менее строгому, чем коронации. Семейный обычай требовал, чтобы в церкви процессия выстраивалась в порядке родства. Ровена, старшая дочь сэра Филипа Бакстона, стояла впереди под руку с дядей и, несомненно, ждала, когда Виктория займет свое место рядом с ней. Позади выстроились друзья Филипа Бакстона, в основном мужчины в дорогих черных пальто. Они, переминаясь с ноги на ногу, ожидали очереди войти внутрь и смотрели на что угодно, только не на двух девушек.

Согласно традиции, Пруденс, дочери гувернантки, полагалось находиться в хвосте процессии, вместе с прислугой, но богемным домочадцам сэра Филипа не было дела до традиций.

При взгляде на Викторию у Пруденс так защемило сердце, что стало трудно дышать. Последние недели сильно сказались на Виктории; шерстяное,

отделанное траурным крепом платье подгоняли на днях, но оно уже болталось на ней, как на бесплотном призраке. Викторию нельзя было назвать красавицей: узкое личико и огромные глаза не соответствовали общепринятым понятиям о красоте, однако свойственная девушке жизнерадостность позволяла ей выделяться из толпы, даже несмотря на тихий голос и слабые легкие. Сегодня этот яркий свет угас, а вокруг глаз залегли тени.

Пруденс крепко сжала руку Виктории:

– Пойдем. Нас ждут.

Виктория ответила дрожащей улыбкой. Они ступили под арку и направились к Ровене и дяде сестер, графу Саммерсету.

Когда Пруденс поравнялась со скамьей, граф посмотрел на нее так высокомерно, что она чуть не споткнулась, и при этом презрительно сморщился, будто учуял ирландскую крестьянку в заляпанных навозом башмаках.

Перед кончиной мать осторожно предупредила Пруденс, что, хотя сэр Филип и вырастил ее как родную дочь, всегда найдутся люди, которые будут видеть в ней лишь нахальную, зазнавшуюся прислугу. Похоже, граф Саммерсет был из таких.

Рядом с дядей блистала красотой Ровена в черном шелковом платье, доходившем до лодыжек. На забранных кверху темных волосах сидел изящный маленький ток[1 - Ток – женская шляпа без полей. – Прим. ред.], на шее была цепочка с золотым медальоном. Ровена протянула руку, и Пруденс с облегчением сжала ее. Держась за руки, Виктория с Пруденс проскользнули мимо графа и встали рядом с Ровеной.

Процессия торжественно двигалась по церкви, люди занимали свои места, но Пруденс ни на кого не обращала внимания, радуясь тому, что стоит между теми, кто был ей дорог больше всего на свете.

При виде гроба, изысканно украшенного, утопающего в лилиях, гвоздиках и пальмовых ветвях, к ее горлу подкатил ком. Если бы не душевная щедрость покойного, она сейчас не стояла бы рука об руку с Ровеной и Викторией, осталась бы позади, среди слуг. Мать Пруденс, служившая горничной в поместье

сэра Филипа, по смерти мужа была приставлена ухаживать за немощной хозяйской супругой. Когда жена сэра Филипа скончалась, тот попросил верную служанку помочь в воспитании дочерей. И Пруденс, которая по возрасту находилась как раз между Викторией и Ровеной, стала частью семьи. А поскольку дочь гувернантки часто помогала в городских приютах для бедных, она прекрасно знала, что случается с одинокими юными девушками. Пруденс никогда не устанет благодарить сэра Филипа за то, что спас ее от подобной участи.

Она сморгнула слезы и стала разглядывать собравшихся. Знакомых лиц было мало. Вот Руперт Брук, восторженный красивый молодой человек, пишущий стихи; вот профсоюзный лидер Бен Тиллетт с чугунной челюстью; вот скандально известный художник Роджер Фрай, который несколько лет назад шокировал лондонскую публику картинами постимпрессионистов. Все они входили в круг друзей Бакстонов – разношерстную компанию художников, интеллектуалов и неприкаянных чудаков.

Поскольку похороны готовил граф, он пригласил людей своего круга, тех, кто принадлежал к сливкам лондонского общества и заседал в палате лордов.

Сэр Филип такого на дух не выносил.

Прекрасные золоченые арки и полированный мрамор церкви Святой Бригитты сияли, как и всегда, когда семейству случалось бывать в храме. Сэр Филип выбрал этот приход, потому что, как он частенько любил говорить, «сэр Кристофер Рен строил церкви, куда Бог заглядывает с удовольствием».

Через некоторое время Пруденс заметила, что ее разглядывает молодой человек, сидящий с другой стороны прохода. Она скользнула по нему взглядом. Через несколько секунд не выдержала и глянула вновь. Молодой человек по-прежнему смотрел на нее. Пруденс вспыхнула, слегка повернулась и уставилась на бронзовый канделябр, стоявший слева от него.

Виктория позади нее подалась к Ровене:

– Гляди, лорд Биллингсли приметил нашу Пруденс.

– Я все слышу, – шепотом отозвалась Пруденс и стиснула им руки для пущей убедительности.

Больше на молодого человека она не смотрела.

Началась служба, и Пруденс погрузилась в скорбь, грозившую затопить ее. Горе накатывало волнами, накрывало с головой, так что все расплывалось перед глазами. Сердце разбилось, обильно излив печаль. С одного бока тихо всхлипывала Виктория, с другого – словно статуя, сидела Ровена. Пруденс держала их за руки в течение всей зауспокойной службы.

Так они досидели до конца, пока не пришла пора рассаживаться по черным с золотом экипажам, которые должны были доставить их на поминки домой, в Мейфэр. За экипажами вереницей выстроились автомобили. Большинство богатых жителей Лондона давно сменили конные экипажи на удобные и быстрые машины. У дяди их было несколько, да и у сэра Филипа томился в каретном сарае элегантный голубой «белсайз», но граф настоял на традиционных конных экипажах.

– Мисс Тэйт поедет с прислугой.

Тон графа звучал непререкаемо, квадратная челюсть закаменела, Пруденс было знакомо это выражение. В минуты упрямства милое личико Ровены становилось таким же.

Виктория недоуменно распахнула глаза:

– Пруденс поедет с нами.

– Вздор! К нам желает присоединиться герцог Плимут, а места мало.

Пруденс положила руки на плечи Виктории. По худому телу девушки пробежала дрожь, и Пруденс похолодела, уверенная, что Виктория сейчас закатит истерику вроде тех, что устраивала в детстве, когда родные называли ее деточкой или когда ей хотелось получить самую большую конфету в кондитерской. Даже в свои восемнадцать Виктория не стеснялась громко выразить неудовольствие, если считала, что ситуация это оправдывает. Но внезапно она растеряла всю

решимость, и нижняя губа задрожала.

– Все будет хорошо, – прошептала Пруденс. – Я поеду со слугами и встречу тебя дома.

Но дома она закрутилась, помогая дворецкому Ходжкинсу и экономке миссис Таннин, и только мельком видела Ровену и Викторию, которые стояли в мраморном холле, встречая прибывающих на поминки. Приглушенно выразив соболезнования, гости шли направо, в бело-зеленую гостиную, или налево, в парадную столовую, где неприлично обедались.

Пруденс ловко лавировала в толпе, приглядывая, чтобы гости не испытывали недостатка в портвейне, бренди и глинтвейне. Лакей Карл разносил блюда с запеченными устрицами и крокетами, а на буфете выстроились серебряные тарелки с имбирными бисквитами из Биаррица и бельгийским шоколадом.

С утра дом украсили оранжерейными цветами. Везде стояли задрапированные черным вазы с лилиями, а в столовой на обеденном столе огромная серебряная чаша ломилась от белых хризантем. От запаха у Пруденс свело желудок; она сомневалась, что когда-нибудь вновь будет наслаждаться ароматом цветов.

Занимаясь рутинными делами, Пруденс заметила, что гости, за исключением ближайших друзей сэра Филипа, выразивших ей сердечные соболезнования, смотрели сквозь нее, как будто ее не было вовсе. Когда женщина с острым личиком под черным бархатным тюрбаном вручила ей пустой бокал, Пруденс поняла, почему превратилась в невидимку.

Друзья графа считали ее прислугой.

Она стояла посреди просторного мраморного холла, сжимая бокал из уотерфордского стекла, и слезы подступали к глазам. Пруденс не знала, смеяться или плакать.

Она поставила бокал на ближайший столик и спряталась в укромной нише вблизи витой лестницы красного дерева. Приложив ладони к пылавшим щекам, Пруденс сделала несколько глубоких вдохов.

– Конечно, я знакома с дочерьми покойного, – произнес женский голос, прозвучавший очень близко к ее убежищу. – Минувшим летом они с графской семьей были на приеме в Стэнтоне, но я не знаю девушку, которая сидела с ними на службе.

– Это дочь гувернантки, – ответила другая женщина. – Сэр Филип воспитывал ее как родную и оставил при себе даже после смерти матери. Та умерла несколько лет назад. Можете себе представить? Он всегда тяготел к либеральным идеям. В Лондоне его дочери творили, что им вздумается.

Голоса приблизились, и Пруденс вжалась в нишу.

– Как странно. Они казались очень милыми девушками.

– О да, они вполне милы. Но я слышала, что старшая состоит в Национальном союзе суфражисток, а младшая порой рассуждает о странных вещах. Часто затевает разговоры на темы, о которых девицам и думать не подобает. Разглагольствует о растениях, травах и тому подобном. И она очень впечатлительна. Вы понимаете, о чем я говорю.

– Я ни разу не видела их ни в Саммерсете, ни на сезонных балах.

– Конечно нет, – прыснула одна из женщин. – Вы же не думаете, что сэр Филип хотел подвести графа?

Голоса удалились, и Пруденс прислонилась к стене, чуть не опрокинув столик с мраморной статуэткой Цирцеи. Девушка поправила безделушку, ее щеки горели огнем. Что имели в виду эти женщины, когда говорили, что сэр Филип не хотел подвести графа? Пруденс отчаянно не хотелось покидать укрытие, но было бы несправедливо взвалить всю работу на Ходжкинса и миссис Таннин. У них тоже горе.

Выбросив подслушанный разговор из головы, Пруденс поспешила в кладовую и взяла с полки две бутылки портвейна. Пруденс стерла с них пыль и отнесла в буфетную, чтобы Ходжкинс перелил вино в графины.

Покончив с этим, девушка решила, что с нее хватит. Пускай она покойному не дочь, но все равно часть семьи. Пруденс остро нуждалась в обществе Ровены и Виктории, чтобы забыть о звеневших в ушах обидных словах. Она завернула за угол и чуть не столкнулась с мужчиной, который надевал черное пальто.

– Прошу прощения.

Пруденс хотела обойти гостя, но вдруг поняла, что именно он разглядывал ее во время службы. От обсидиановой черноты его глаз у нее перехватило дыхание.

– Нет, это я виноват. Хотел ускользнуть через черный ход. – Молодой человек посмотрел на Пруденс и покраснел, когда узнал ее. – Извините. Я имел в виду, что не хотел доставлять семье усопшего излишнее беспокойство. Я плохо знал сэра Филипа.

– Тогда почему вы здесь?

Щеки Пруденс вспыхнули от собственной грубости. Что на нее нашло? Юноша стоял так близко, что она не могла ни соображать, ни даже дышать. Она отступила на шаг.

– Моя мать болеет и захотела, чтобы я отдал дань уважения. Родители хорошо знают графа, а я дружен с его сыном Колином.

– Ах вот оно что.

Девушка рискнула бросить взгляд на лицо гостя. Напомаженные каштановые кудри спадали на высокий лоб, под ними вопросительно вздымались брови. Молодой человек не сводил с нее глаз, и Пруденс гадала, испытывает ли он ту же неловкость. Момент затянулся. Сердце Пруденс колотилось все сильнее. Наконец она отвела глаза:

– Спасибо вам.

Она посторонилась, чтобы пройти, но гость придержал ее за локоть.

– Постойте. – Он чуть не молил. – Я даже не знаю, как вас зовут.

– Пруденс. – Она отняла руку и устремилась по коридору.

– Но кто вы? – донеслось сзади.

Пруденс не могла ответить, ибо уже не понимала сама. Она нашла сестер на прежнем месте, в мраморном холле. Пруденс охватила тревога при виде Виктории, стоявшей у кадки с высокой пальмой. Она поспешила к графу, который беседовал с костлявым джентльменом в цилиндре.

– Прошу прощения, сэр, – прошептала она.

Граф продолжал говорить, хотя и покосился на нее. Пруденс поджала губы и тронула его за руку.

– Лорд Саммерсет, у меня важное дело.

Граф повернулся к ней, всем видом выказывая раздражение.

– Что? – спросил он отрывисто.

– Виктория плохо выглядит, сэр. По-моему, ее нужно избавить от обязанностей по приему гостей.

– Я уверен, с ней все в порядке.

Он посмотрел туда, где стояла Виктория, и его губы сжались в тонкую линию. Девушка была белее снега, ее шатало. Граф вздохнул:

– Уведите ее наверх и посидите с ней. Ровена справится одна.

Пруденс не удостоила графа ответом и устремилась к Виктории. Взяв девушку за талию, она шепнула:

– Пойдем. Хватит с тебя на сегодня.

Виктория, всегда пребывавшая начеку – не дай бог, с ней вздумают нянчиться, – раздраженно посмотрела на Пруденс. Нельзя было взбесить ее сильнее, чем указанием на слабые легкие, но Пруденс улавливала содрогания ее худощавого тела.

– Я прекрасно себя чувствую, – начала Виктория, но тут у нее затряслись ноги, и она сдержанно улыбнулась. – Но можно и перерыв сделать. – Она привалилась к Пруденс и позволила себя увести. – Я просто расстроена, вот и устала, – объяснила Виктория, пока они медленно поднимались по лестнице в спальню.

– Поспишь – и станет легче. – Пруденс поцеловала ее в щеку.

– Ты правда так думаешь?

Пруденс замялась, снедаемая тоской.

– Не совсем так. Но что нам еще остается?

* * *

Ровена провожала их взглядом: темная головка Пруденс вплотную к светлой – Виктории. Ровене очень хотелось последовать за ними. Но кто-то должен был изображать хозяйку, и эту роль Ровена, становясь старше, играла все чаще, хотя и в менее торжественной обстановке. Отец редко соблюдал формальности. При необходимости он умел пустить пыль в глаза, однако предпочитал ужин на скорую руку с друзьями или огромные сэндвичи в гостиной с парой бутылок доброго вина. Друзья же были из тех, кому приходилась по нраву щедрая безыскусность отцовского гостеприимства.

Поняв, что готова залиться слезами, Ровена быстро повернулась к только что вошедшей дородной женщине. Если расплачешься, то уже не остановишься, а до конца жуткого приема оставалось еще несколько часов.

– Огромное спасибо, что пришли... – Ровена тщетно пыталась вспомнить имя женщины.

– Ваш отец был замечательным человеком, дорогая. – Дама, по-прежнему безымянная, потрепала Ровену по руке и устремилась дальше.

Когда наплыв скорбящих уменьшился, девушка смогла наконец оставить свой пост. Она подхватила бокал бренди и залпом выпила, не обращая внимания на хмурый взгляд дяди с другого конца комнаты. Иначе ей было не продержаться до конца вечера.

Затем Ровена побродила по комнатам, стараясь смотреть поверх голов, чтобы избавиться от необходимости поддерживать светскую болтовню. Отец презирал пустопорожние разговоры, и Ровена разделяла его чувства. Аристократический щебет пробуждал в ней дух противоречия и заставлял отпускать замечания типа «Отвратительная погода сегодня, не правда ли?», даже когда на небе сияло солнце.

Итак, она уклонилась от подобных бесед и принялась поправлять подушки на диване да вытирать воду, натекающую на китайский столик из бамбука. Прежде чем перебраться в старый запущенный викторианский особняк, отец полностью перестроил его: расширил комнаты, возвел над лестницей стеклянный купол, чтобы стало светлее, и поменял обои, выбрав кремовые оттенки. От раздвижных окон по фасаду до блестящих полов красного дерева с восточными коврами весь дом излучал любовь. Мать, которая, как и отец, не любила пускать пыль в глаза, обустроила просторные, светлые и уютные комнаты.

– Как только гости немного разойдутся, – сказал подошедший к Ровене дядя, – жду тебя в кабинете. Стряпчий твоего отца хочет обсудить завещание.

– Завещание? – тупо переспросила она.

Возможно, она погорячилась с бренди.

– Разумеется. Неужели ты думаешь, что отец оставил вас с Викторией без средств к существованию?

Без средств? Ровена так и смяла в голове эту фразу. Наверное, нет. Она вообще никогда не задумывалась о деньгах. Отец брал на себя все домашние расходы. Внезапно Ровена осознала, что больше этим некому заниматься. У нее перехватило горло. Может, об этом позаботится стряпчий? Или банк?

– Надо обсудить ваше будущее, – продолжал дядя. – Отец ничего не говорил на сей счет? – Ровена недоуменно покачала головой, и дядя неуклюже потрепал ее по плечу. – Ничего страшного, дорогая. Мы обо всем поговорим с мистером Барри.

Граф отошел, оставив Ровену обдумывать его слова. Будущее? Размышления о будущем наполняли ее некоторой тревогой. У подруг и их родителей всегда было множество планов, тогда как ее перспективы неизменно оставались в тумане. Несмотря на старания устранить пробел, Ровена так и не понимала, чем же ей хочется заниматься. Однажды летом она по совету друга занялась спортом, пока не освоила лаун-теннис, а в гольф научилась играть не хуже мужчин. Но в конце концов Ровена осознала, что пробел сохранился, и клюшки с ракетками переключались на чердак. Потом, по осторожному настоянию сэра Филипа, Ровена вступила в Национальный союз суфражисток. Поскольку ей не хотелось разочаровывать отца, она усердно занималась общественными делами даже после того, как они ей наскучили. Рядом с уверенными и независимыми женщинами она чувствовала себя крайне неудобно. Они шли своими путями, а ее собственный оставался загадкой. Когда-нибудь она выйдет замуж, но брак не стоял для нее на первом месте, да и никто из молодых людей пока не привлек внимания Ровены. Большинство подруг детства считали свадьбу апофеозом жизненных устремлений, тогда как суфражистки на своих собраниях клеймили брак, приравнивая его к рабству. Отец не разделял последнего мнения, но мысли о раннем замужестве дочери тоже не вызывали у него восторга. «Всегда успеется» – так говаривал он. И вот Ровена плыла по течению, до странного равнодушная к своему будущему. И как же быстро все изменилось. Отец прекрасно себя чувствовал, пока не простудился несколько недель назад. Простуда быстро перешла в воспаление легких, и отцу стало не до разговоров о будущем.

Ровена прихватила еще один бокал бренди и направилась через толпу в библиотеку, располагавшуюся наверху.

Она вошла в помещение и замерла: запах вытертой кожи, трубочного табака и засушенных растений вызвал тысячи воспоминаний. Эта комната была отцовской больше, чем какая-либо другая. Она служила и кабинетом, и библиотекой. Ровена, Виктория и Пруденс проводили там многие часы за чтением или тихими играми, пока отец работал, разбирая и раскладывая дюжины ботанических образцов, собранных на природе или выращенных в оранжерее. Известный ботаник, он любил поговорить о работе, и Ровена часто

задавала вопросы с единственной целью услышать теплый, пропитанный радостным возбуждением голос отца.

Сглотнув комок, она не стала садиться в отцовское кресло за полированным столом и опустилась в удобное кресло напротив одного из четырех мансардных окон.

Ровена потягивала бренди, и по телу медленно растекалось успокаивавшее нервы тепло.

– Жаль, что ваша супруга не смогла прийти, – раздался за спиной Ровены голос, и девушка узнала отцовского стряпчего.

– Она плохо себя чувствует, и я подумал, что будет благоразумнее, если она останется дома. Осенью Лондон кишит болезнями, – ответил дядя.

– Мудрое решение.

Ровена подалась вперед, желая обозначить свое присутствие, но дядя продолжил:

– К тому же она не одобряет полученное племянницами воспитание. Боюсь, что бедный Филипп был одинок в своих взглядах. Просто чудо, что девочки не выросли отъявленными суфразистками.

Надо немедленно положить этому конец. Ровена сдержанно кашлянула, поднялась и оказалась лицом к лицу с дядей. Мужчины вздрогнули.

– Извините, – произнесла она. – Я, видно, задремала.

– Неудивительно, – быстро подхватил мистер Барри. – У всех нас был тяжелый день. Мои глубочайшие соболезнования, мисс Бакстон.

– Благодарю. – Ровена повернулась к дяде. – Гости уже ушли?

– Расходятся последние. Слуги о них позаботятся. Присядем?

Ровене нравился мистер Барри. Его тонкий крючковатый нос, которым он гордился, словно медалью, составлял разительный контраст с неряшливыми седыми космами, торчавшими из-под шляпы. Стряпчий прошел к письменному столу и открыл саквояж. Когда он уселся в отцовское кресло, Ровена поспешно отвела взгляд и устроилась на стул перед столом. Дядя занял соседний.

Мистер Барри откашлялся:

– Ничего неожиданного в завещании нет. Помимо доли в семейном поместье, ваш отец получил крупную сумму, когда был удостоен рыцарского звания. Он удачно вложил деньги, и вы с Викторией являетесь единственными наследницами.

Ровена кивнула. Кто же еще? Отец был младшим сыном в семье, а потому не имел благородного титула, который мог бы передать наследникам мужского пола, если бы они у него были.

– Тем не менее он назначил доверенным лицом и хранителем капитала вашего дядю до тех пор, пока вам не исполнится двадцать пять, или до сочетания браком с достойным человеком – в зависимости от того, что произойдет раньше.

Ровена нахмурилась и забарабанила пальцами по подлокотнику:

– И что это означает?

– Ваш дядя или его поверенный будут оплачивать все ваши расходы и надзирать за вашими вложениями, пока вы не достигнете возраста наследования. Таким образом ваш отец хотел защитить вас и Викторию от многочисленных охотников за богатством.

И хотя эти меры казались разумными, при более пристальном рассмотрении обозначились первые неудобства. Означает ли это, что на ближайшие три года ответственность за ее судьбу возлагается на дядю? И он займется одобрением гипотетических женихов? Не то чтобы свадьба была на носу, но мысль о надобности заручаться дядиным разрешением в случае денежных расходов...

– Значит, по сути, ничего не изменится? Отныне счета будут отсылаться дяде, а не... отцу? – На последнем слове Ровена запнулась.

– Именно так, – кивнул мистер Барри.

– Мы с вашей тетей обсудили положение дел и пришли к выводу, что вам лучше провести зиму в Саммерсете, – подал голос граф.

– Благодарю за предложение, дядя. – Ровена тщательно подбирала слова. – Но мне кажется, что чем меньше перемен, тем полезнее для здоровья Виктории. Нам лучше по возможности придерживаться привычного образа жизни... – Она замолчала, понимая, что прошлую жизнь уже не вернешь.

– Будьте добры, оставьте нас наедине, мистер Барри. Теперь это семейное дело, – произнес дядя Конрад.

– Еще раз приношу свои соболезнования, мисс Ровена, – сказал стряпчий. – Ваш отец был хорошим человеком и добрым другом.

Она кивнула, не в силах выговорить ни слова.

Когда мистер Барри ушел, дядя повернулся к Ровене. Его глаза светились такой добротой, что она поразилась. От сходства с отцом у нее перехватило дыхание. Тот же решительный подбородок, те же нос с горбинкой и зеленые глаза. Впрочем, нет. Во взгляде отца читалась добродушная веселость, а дядюшка смотрел серьезно и мрачно – без сомнения, результат многолетней ответственности за родовое имение и титул.

– А ты не думаешь, что лучше полностью порвать с прошлым? В этом доме вас с сестрой будут преследовать печальные воспоминания. К тому же мы с тетей Шарлоттой не уверены, что вообще будем его содержать. Особняк в Белгравии намного просторнее и расположен удачнее.

Ровена вздернула подбородок:

– Что это значит – не содержать наш дом? Конечно же содержать! Он наш!

– Но как долго? Когда вы с Викторией выйдете замуж, у вас появятся собственные дома. Мне не очень хочется расходовать средства на содержание двух особняков в Лондоне.

Ровена подалась вперед, вцепившись в подлокотники:

– Зачем вам тратиться? Ведь содержание дома оплачивается из отцовских денег.

– Этот дом не принадлежал вашему отцу, – мягко возразил дядя. – Он является частью поместья. Наш отец подарил его Филипу на свадьбу, но оставил купчую у себя.

Ровена обвела взглядом любимый отцовский кабинет, – оказывается, отец вовсе не был здесь хозяином. А значит, и она тоже.

– Пожалуйста, не продавайте дом, – взмолилась она. – А как же мебель? Слуги?

Он потрепал ее по руке.

– Я не хочу тебя расстраивать, – успокаивающе произнес он и встал, будто считал разговор оконченным. – Необязательно принимать решение сегодня. Но я вынужден настоять, чтобы вы с Викторией отправились со мной. Мы упокоим вашего отца в семейном склепе. Вы, разумеется, захотите присутствовать. К тому же Виктории нравится Саммерсет.

Ровена откинулась в кресле; ее трясло от горя и злости.

– Конечно. Когда вы предполагаете уехать?

– Приличия требуют провести церемонию как можно быстрее, но утром меня ждут неотложные дела. Мы можем выехать послезавтра.

В голосе графа звучало облегчение оттого, что племянница не стала поднимать шум. Но с чего бы? Она уже не ребенок, да и доводы дядя привел убедительные. С домом она разберется позже. Ровена не позволит продать их дом. Но сейчас ей хотелось одного: запереться у себя и все обдумать.

– Очень хорошо. Я передам Виктории и Пруденс, чтобы собрались.

Дядя уже подошел к двери, но остановился:

– Прислугу брать незачем. В поместье о вас, как всегда, позаботятся.

– Пруденс не прислуга! – Ровена замерла.

– Конечно прислуга. Она дочь гувернантки. Ее оставили в доме после кончины матери только благодаря душевной щедрости вашего отца.

– Отец любил Пруденс, как и мы с сестрой! – вспыхнула Ровена. – Она член нашей семьи.

Дядя побледнел:

– Боюсь, что ваш отец поощрял в вас чрезмерную широту взглядов относительно этой девушки. Она ни в коем случае не является членом семьи.

– Нет, является! Она живет с нами, сколько я себя помню. Отец не делал между нами различий. Мы вместе учились, ходили по магазинам и...

– Твой отец был хорошим человеком, но придерживался опасных либеральных убеждений. Я даровал ему это право лишь потому, что он ни разу не опозорил фамилию. Хотя он уже играл с огнем, когда отказался вывести вас в свет как положено.

Ровена встала и подступила к дяде:

– Нас вывели в свет по всем правилам! И меня, и Викторию должным образом представили королеве, но нам не хотелось устраивать бал для дебютанток. Мы не любим показную шумиху. Известно ли вам, что на деньги, которые тратятся на одни цветы для бала, можно целый год кормить сотню семей бедняков? Мы отдаем должное светским обязанностям, посещаем приемы и благотворительные вечера, но нам это совершенно неинтересно. Отец уважал наше мнение.

Граф стиснул зубы:

– Именно об этом я и говорю. Как вы найдете достойных мужей, если не выходите в свет? Ваша тетя очень волнуется за вас обеих. Мне давно следовало вмешаться. Но прошлого не исправить. Вы с сестрой поедете в Саммерсет, а Пруденс останется в Лондоне.

Тон дяди не допускал возражений, и Ровена умолкла. Внутри все кипело, но чутьем она понимала, что открытое неповиновение ничего не даст. Однако она и мысли не допускала о том, чтобы бросить Пруденс. Ровена глубоко вдохнула, собрала с мыслями и попробовала иной подход:

– Мы всегда относились к Пруденс как к сестре, но важнее то, что они с Викторией неразлучны. Лучше ее с Викторией не справится никому, а сестра такая хрупкая... Боюсь, что еще одна потеря подорвет ее здоровье. – Ровена выдержала паузу, чтобы слова достигли цели. Лишить больную племянницу верной компаньонки будет бессердечным поступком. К тому же даже дядя питал слабость к Виктории. – Если вы позволите взять Пруденс в качестве камеристки, это пойдет на пользу Виктории. И все приличия будут соблюдены. Вы же не станете отрицать, что нам нужна камеристка? – Ровена сложила руки и опустила глаза. В душе у нее все кипело от ярости.

Дядя задумчиво пожевал губами. Обоим было ясно, что племянница загнала его в угол.

– Разумеется, если ты настаиваешь. Но помни, что в моем доме к ней будут относиться не как к госте, а как к прислуге. – Слегка поклонившись, он вышел из комнаты.

Ровену трясло; она упала в кресло и закрыла руками лицо, задышавшись от груза свалившейся на нее ответственности. Папа, что ты наделал? Человек, воспитавший в ней независимость, в итоге отдал ее на попечение тому, кто отрицал саму идею женской самостоятельности. Они могут потерять дом, Пруденс... решительно все.

Ровена сделала глубокий вдох и собрала с мыслями. Если задуматься, была ли она столь независима? Она ничего не понимала в финансовых делах, да они ее и не интересовали. Наслаждалась почти безграничной, не обремененной

обязанностями свободой и была так глупа, что даже не знала, чего еще пожелать. Она держалась эгоистично – бездумно порхала от одной прихоти к другой, так и не научившись ничему полезному. Неудивительно, что отец возложил финансовые заботы на брата.

Но сейчас она не имеет права повторять ошибку. Судьбы Пруденс и Виктории зависят от нее, хотя сама мысль об ответственности за людей приводила Ровену в ужас. Решения всегда давались ей с трудом, особенно важные. Она встала и оглядела комнату. Взгляд переходил с деревянного телескопа в угловом окне на глобус, с которым они так часто играли в детстве, воображая себя путешественницами, и дальше, на коврик из овечьей шерсти у камина – там они с Пруденс вытягивались во весь рост и читали, а тепло огня согревало босые ноги.

Именно ей предстояло сберечь эту бесценную комнату и свою маленькую семью. Только ей, и больше никому.

Глава вторая

Виктории был секрет.

С ним она просыпалась и засыпала. Прижимала к груди, как сокровище, принадлежащее ей, и только ей. Конечно, отец знал ее тайну, и еще горничная Кейти, но вот отца не стало, и секрет перешел в ее полное распоряжение. Папа.

Викторию вновь охватила невыносимая боль потери, и она свернулась калачиком, плотнее подоткнув одеяло. Меж занавесок струились лучи раннего утреннего солнца, отражавшиеся от изголовья кровати из французского глазкового клена[2 - Глазковый клен, или птичий глаз, – сорт древесины, получающийся в результате нарушения роста некоторых деревьев, в первую очередь клена сахарного. – Прим. ред.], из-за чего казалось, будто дерево дрожит и переливается, как живое существо. Виктория провела пальцем по инкрустации с цветочным мотивом, оставляя на воске смазанную дорожку.

Папа.

Она выбралась из кровати и взбрыкнула ногами, выпутываясь из тонкого хлопка длинной, от шеи до пят, ночной рубашки. Во время сна ткань часто перекручивалась, и Виктория ощущала себя закутанной в погребальный саван. Спавшая рядом Пруденс вздохнула и зарылась поглубже в одеяло, лишенная тепла соседки по ложу. Виктория не любила спать одна. Ее постоянно мучили кошмары, а присутствие Пруденс создавало уют.

Кейти уже затопила выложенный кремовой плиткой камин, и за решеткой жизнерадостно трещало пламя, сражавшееся с осенней стужей. Вблизи на оттоманке грелись халат и вязаные тапочки Виктории. Девушка запахла халат, надувшись при виде розовых шелковых лент и розочек на рукавах и вороте. Подарок Ровены на прошлое Рождество; Виктория ничего не сказала, но в этом наряде неизменно ощущала себя ребенком.

Вчера вечером старшая сестра зашла в спальню и сообщила, что лондонский дом закрывается на зиму, а они переезжают в Саммерсет. Виктории нравилось поместье, но она чуяла, что Ровена чего-то недоговаривает.

Виктория любила только собственные секреты.

Хмурясь, она пристроилась на бархатном диванчике у окна и отодвинула занавески ровно настолько, чтобы выглянуть наружу. Молочник развозил молоко, сыр, масло и яйца. В дверях его караулили кухарки, чтобы ко времени, когда пробудятся господа, к их утреннему чаю и кофе уже были поданы свежие сливки. Виктория знала, что слуги поедят между хозяйским подъемом и выходом к завтраку.

Ей было известно, что и у слуг бывают секреты. Кейти, например, подворовывала из кладовой и отправляла посылки матери в Ист-Энд. Виктория всегда подозревала, что знал об этом и отец, но предпочитал закрывать глаза на подобные прегрешения.

Она провожала взглядом фургон, пока тот не скрылся из виду, после чего вернулась к своим мыслям. Что скрывала Ровена? Другая беда, похуже: как переправить в Саммерсет ее секрет? Виктория покосилась на гардеробную, где в самом дальнем углу пряталась новенькая пишущая машинка «Ундервуд № 5». Ровене и Пруденс никогда ее не найти. Они думали, что Виктория занимается музыкой, но она уже несколько месяцев вместо уроков фортепиано на пару с

Кейти посещала Школу секретарей для юных леди под руководством мисс Фистер, где тайно училась машинописи и стенографии. Виктория обхватила себя руками. Может быть, мисс Фистер разрешит ей заочное обучение? Надо будет сегодня же сходить и спросить, пока девочки заняты сборами. Придется выдумать причину для выхода из дому.

Конечно, теперь, после кончины отца, секретное обучение отчасти утратило свою прелесть. Изначально Виктория намеревалась помогать отцу в работе. Машинопись пригодилась бы при составлении ботанических каталогов, а стенография – при написании примечаний к лекциям. Ребенком Виктория поклялась, что не выйдет замуж и навсегда останется с отцом, чтобы странствовать по миру в поисках экзотических растений. Отец посмеялся, но согласился и сохранил ее тайну. Он знал, что младшая дочь обожает секреты.

Но и сейчас, когда все рухнуло, Виктория не собиралась никому рассказывать о курсах. Это было ее последним общим делом с отцом. Придется немного изменить планы, только и всего.

Возможно, она поступит в университет и получит образование, хотя пока и не знала, как это делается и с чего начинать. Но Виктория не сомневалась, что справится. На самом деле она не сомневалась, что справится с чем угодно, несмотря на хрупкое тело, которое слишком быстро уставало и временами отказывалось дышать.

Дверь за спиной бесшумно отворилась, и Кейти внесла поднос с дымящимся чайником и двумя чашками для нее и Пруденс.

– Спасибо, Кейти, – шепнула Виктория. – И вот что я думаю: сегодня мы с тобой отправимся погулять.

Кейти поставила поднос на оттоманку и разлила чай. Протянув чашку Виктории, она серьезно кивнула, благо сообразила, о чем идет речь.

– Неплохо бы, мисс.

Виктория присела к туалетному столику. Тот, тоже изготовленный из глазкового клена, сиял так, что ей почти удавалось разглядеть в нем свое отражение. Горничная проворно расплела ей косы и принялась расчесывать волосы, пока те

не рассыпались по плечам блестящим русым покрывалом.

– Спасибо, Кейти.

– Что-нибудь еще, мисс?

– Пока все, потом поможешь мне одеться. Выходим после завтрака.

Горничная ответила заговорщицкой улыбкой и удалилась. Смышленая Кейти осваивала стенографию быстрее хозяйки. В служанках она не задержится.

Пруденс заворочалась, и Виктория подала ей чашку:

– Просыпайся. Нам надо многое обсудить.

Пруденс зевнула и села на постели. За ночь ее волосы выбились из косы и спадали на плечи пушистым темным облаком. Виктория взбила подушки, и Пруденс откинулась, с удовольствием вдыхая аромат из дымящейся чашки.

– И что мы обсудим с утра пораньше? – Виктория взяла свою чашку и присела на край кровати.

– Ровену. Она что-то скрывает.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила Пруденс, но отвела свои зеленые глаза.

Виктория подпрыгнула, чуть не опрокинув обе чашки:

– Нет, ты все понимаешь!

– Осторожнее! Я же пролью чай! И я все равно не знаю, что она скрывает.

– Но ты же согласна, что она о чем-то умалчивает? – не унималась Виктория.

– Я думаю, они с вашим дядей обсудили много вещей, о которых Ровена нам не сказала. Вчера мы все вымотались. Это не означает, будто она умышленно что-

то утаивает. – Пруденс внимательно посмотрела на Викторию. – Как ты себя чувствуешь? У тебя лицо горит.

Виктория соскочила с кровати:

– Я чувствую себя настолько хорошо, насколько могу. Перестань кудахтать. Я не маленькая.

В самом деле – как ей было окрепнуть, когда все только и знали, что нянчиться с ней. Пруденс и Ровена возились с ней, как с младенцем, хотя минувшей весной ей исполнилось восемнадцать.

– Я приму ванну и переоденусь, – с достоинством заявила Виктория. – Нет, не вставай. Я вполне справлюсь сама, а Кейти скоро придет и поможет нам одеться.

После завтрака, который состоял из сконов[3 - Скон – пшеничная или ячменная булочка из несдобного дрожжевого теста. – Прим. ред.], медового масла, свежих фруктов и кеджери[4 - Кеджери – индийское блюдо из риса и рыбы. – Прим. перев.] и к которому никто не притронулся, хотя все старательно делали вид, что поглощены едой, Пруденс с Ровеной засуетились со сборами и подготовкой к отъезду. Никто не попросил Викторию помочь, и она впервые в жизни была благодарна за это. Теперь не придется сочинять предлог, чтобы выйти из дома. Дядя остановился в своем чудовищном семейном особняке в Белгравии, так что Виктория была предоставлена самой себе. Прежде чем надеть пальто и позвать Кейти, она на цыпочках прокралась в кабинет. Преимуществом малого роста было то, что ей часто удавалось шнырять по дому незамеченной. В этом заключалась одна из многих причин, по которым домашним бывало трудно хранить от нее секреты. Виктория знала в доме каждый закуток и с легкостью следила как за слугами, так и за членами семьи. Поэтому она точно знала, где именно отец хранил ключ от сейфа, скрытого за странной картиной – подарком его приятеля по фамилии Пикассо. Виктория пробежалась пальцами по задней стенке ящика стола и запустила механизм, отворявший тайник. Вынула ключ и прислушалась, нет ли кого в коридоре. Убедившись, что все тихо, она сняла картину и открыла сейф. Отец хранил там папку со старыми бумагами, а также дополнительные деньги на домашнее хозяйство. Виктория взяла фунтовые банкноты и замешкалась. Может, лучше не оставлять здесь бумаги, раз дом закрывается на зиму? Ладно, там видно будет. Она осторожно заперла сейф, повесила на место картину и сунула ключ в потайной ящичек. Затем тихонько поднялась в свою спальню, достала из шкафа новое шерстяное пальто от

торгового дома «Люсиль» и отправилась на поиски Кейти.

Светило блеклое осеннее солнце, и на Брук-стрит былолюдно. Все хотели насладиться остатками тепла перед затяжными дождями. Девочки с огромными бантами и мальчики в бриджах носились по тротуарам. Их сдерживали лишь строгие взгляды нянек в накрахмаленных чепцах. Экономки и горничные с озабоченным видом торопились по делам в надежде успеть к пятичасовому чаю. По проезжей части грохотали двухколесные экипажи, брогамы[5 - Брогам – двух- или четырехместная карета, запряженная одной лошадью. – Прим. ред.] и фаэтоны; им то и дело приходилось уступать дорогу автомобилям, которых с годами становилось все больше. Ядовитая смесь выхлопных газов вытесняла чистый, травяной запах конского навоза.

День выдался неприлично погожим, и Виктория, переживавшая кончину отца, помалкивала, неспешно направляясь в компании с Кейти в заведение мисс Фистер. Идти было недалеко, но, как обычно, Виктория выдохлась. У школы они присели на скамейку.

– Мисс Виктория, вам нехорошо?

Девушка улыбнулась подруге и сосредоточилась на дыхании. Медленный вдох и выдох, как учил врач.

– Сейчас пройдет. – Она сделала несколько осторожных вдохов.

– Мне очень жаль вашего отца, мисс. Он был хорошим человеком. Оплатил мое обучение, да и вообще...

Веснушчатое лицо Кейти скривилось, как будто горничная старалась не разрыдаться. У Виктории перехватило горло, что не способствовало ее поверхностному дыханию. Вместо ответа она потрепала Кейти по руке. Когда дыхание наладилось, Виктория велела горничной дожидаться снаружи и вошла в старое кирпичное здание, где располагались курсы мисс Фистер. Той не было на месте, и Виктория расстроилась, что не сможет проститься, однако написала короткую записку, где объяснила ситуацию, и передала ее клерку вместе с адресом и деньгами, еще не уплаченными за их с Кейти обучение. Когда Виктория вышла, та сдвинула темно-рыжие брови.

– Все в порядке, мисс?

– Да, я лишь хотела убедиться, что мой отъезд не отразится на твоей учебе. Заплатила за нас обеих.

По дороге домой собственная щедрость придавала походке Виктории необычайную легкость. Неудивительно, что отец любил помогать людям. Прекрасное чувство.

– О, благодарю вас, мисс!

Повинуясь импульсу, Виктория взяла Кейти под руку:

– Ты была верным другом и хранила мою тайну.

Кейти удивленно распахнула глаза:

– Но это и моя тайна. Если бы Ходжкинс узнал, он сказал бы, что я уселась не в свои сани.

– Когда-нибудь ты станешь хорошим секретарем.

– Надеюсь, что так. Этот день может наступить раньше, чем мы думаем.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, учитывая, что ваш дядя собирается продавать дом... Все работники в панике, боятся лишиться места.

Виктория остановилась и сжала руку Кейти:

– От кого ты это услышала?

– От Ходжкинса, конечно. Ваш дядя сообщил ему, что к лету, скорее всего, продаст дом. Он хочет, чтобы прислуга успела подыскать новую работу.

У Виктории подкосились колени, и Кейти подхватила ее за талию.

– Мисс!

Перед глазами заплясали черные точки, в груди образовалась пустота, означавшая, что вскоре дыхание прекратится. Виктория широко открывала рот, борясь за каждый вдох. Черные точки сливались, превращаясь в туннель, и она понимала, что упадет в обморок, если не глотнет воздуха. Кейти подвела ее к шляпному магазину, и Виктория с благодарностью прислонилась к кирпичной стене. Она сжала губы, досчитала до трех и сделала неглубокий вдох.

– Мисс! Вам нужен ингалятор, мисс?

Испуганный голос Кейти доносился будто издалека. Виктория отрицательно покачала головой и продолжала считать. Один, два, три, вдох. Один, два, три... Пульс понемногу замедлился, и грудь отпустило.

– Мисс, что с вами? Эта девица вам докучает?

К ним подбежал мужчина, одетый в дорогой фланелевый пиджак и жилет.

Виктория потрясенно открыла глаза – неужели он вообразил, будто Кейти в поношенной форме горничной пристает к ней?

– Конечно же нет. Не ваше дело, – выдохнула Виктория. – Как вы смее судить по одежде! Стыдитесь!

Тот в смятении приподнял котелок и ретировался:

– Вам лучше? Я что-то не то сказала, мисс?

– Нет, – покачала головой Виктория. – Разумеется, нет. Просто... очередной приступ. Все как обычно.

Впрочем, новый доктор назвал ее болезнь астмой. Виктория ненавидела слово «астма» и отказывалась использовать как это слово, так и производные от него. Оно звучало... тошнотворно.

Кейти сморщила лицо, но ничего не сказала, помогла Виктории выпрямиться и медленно повела ее по улице.

Пальцы на руках и ногах покалывало, и Виктория не понимала причины: то ли это последствия приступа, то ли гнев, укреплявшийся в ее сердце.

Так вот что скрывает Ровена. Они собираются продать ее дом! Любимый дом, чистый и светлый, с бесчисленными окнами и годами драгоценных воспоминаний. Как Ровена могла допустить подобное?

* * *

Пруденс сидела, прикрыв глаза. От малейшего толчка экипажа ныли кости, а нервы скручивались узлом. Вчера, в начале путешествия, она ощутила легкое волнение, пробившееся сквозь неизбывную скорбь, которая, словно пелена, припудривала кожу. Но так было рано утром, и вскоре бесконечные зеленые поля и тронутые осенью деревья примелькались. К моменту, когда экипаж остановился возле гостиницы в Бедфорде, у Пруденс все затекло, а на душе стало еще мучительнее. Сегодня же каждая мышца вопила о навязанной неподвижности. Пруденс жалела, что поездку не отложили хотя бы на неделю, – ведь шофер собирался отогнать новый автомобиль сэра Филипа в Саммерсет, но граф настоял на традиционной похоронной процессии. Сам он ехал в экипаже перед ними, сразу за каретой из черного дерева, в которой везли гроб с телом сэра Филипа.

Автомобили встречались довольно часто, и кучерам приходилось останавливаться и успокаивать лошадей, а Пруденс готова была сорваться на крик. Ей казалось, что они никогда не достигнут Саммерсета.

После вчерашней ссоры Ровена с Викторией не обменялись и парой слов. Виктория закатила такую истерику, что весь остаток дня ее продержали на ингаляторе. Из-за мрачного молчания, воцарившегося между сестрами, нескончаемая езда казалась Пруденс еще более невыносимой.

Ее рассудок пока не вместил открывшегося намерения графа продать их дом. Ровена пообещала не допустить этого. Пруденс понятия не имела как, но была вынуждена поверить ей.

Сидевшая рядом Виктория потянулась:

– Ро, сколько еще ехать?

В ее голосе звучало раскаяние, и Ровена ответила тем же тоном:

– Уже недалеко. Смотри, мы проезжаем мельницу поцелуев.

– Почему ее так называют? – спросила Пруденс.

Они с Викторией вытянули шеи, выглядывая в окно экипажа.

– Среди местных жителей существует поверье: если попросить руки любимой у водяного колеса, то девушка ни за что не откажет, – ответила Виктория.

– По-моему, это просто укромное место для парочек. Тут никто не помешает им целоваться, – фыркнула Ровена.

– Красиво. – Виктория повернулась к Пруденс. – Мы уже на земле Саммерсета. Поместье стоит вон за тем холмом. Неужели ты никогда здесь не была?

– Действительно, странно, – согласилась Ровена. – Мы с Викторией проводили здесь чуть ли не каждое лето, с раннего детства.

Пруденс внимательно рассматривала свои руки:

– Маме хватало ежегодных поездок в Бат. Ваш отец оплачивал расходы. Она говорила, что мы еще успеем побывать в Саммерсете.

– Но вы не успели, – подхватила Виктория.

– Нет. Так и не вышло.

– Разве ты родилась не в деревне? – (Пруденс кивнула.) – Ну, тогда ты можешь найти здесь родню.

Пруденс никогда об этом не думала, однако это было вполне возможно. Но почему мать никогда не навещала родных? Большинство женщин после замужества с трудом переносят разлуку с близкими, но мама даже не упоминала о своей семье. Если на то пошло, она вообще редко заговаривала о детстве и аббатстве Саммерсет. Не было ли это как-то связано с графом, о чем говорили те женщины на поминках?

– Ну так расскажите мне о Саммерсете, – попросила Пруденс, желая отчасти сменить тему, отчасти – скоротать время.

– Прекрасное, ужасное и грандиозное, – мгновенно отозвалась Виктория.

– Ужасное? Почему? – удивилась Пруденс.

– В нем жутковато – слишком оно большое, а кое-где и вообще страшно. Но все равно там красиво.

Виктория оживилась, и Пруденс узнала, что Саммерсет возвели в начале семнадцатого столетия на месте старого дома, который был, в свою очередь, построен на руинах замка восьмого века. Вокруг раскинулся парк на тысячу акров с тремя ухоженными садами, огородом, озером и несколькими прудами. В особняке было более сотни комнат, а его обслуживала небольшая армия из шестидесяти слуг, куда входили не только горничные, лакеи и садовники, но и плотник, каменщик, а также механик, содержавший автомобили в идеальном состоянии.

– По-моему, тебе тут понравится, хотя все очень непохоже на наш дом, – закончила Виктория. – Особенно библиотека, там больше пяти тысяч книг.

Ровена кашлянула – чрезвычайно нервно, типа «мне нужно кое-что вам сказать». Пруденс с Викторией выжидающе взглянули на нее.

– Боюсь, что я не полностью передала вам разговор с дядей Конрадом.

– То есть ты намекаешь, что продавать исподтишка наш дом – это еще не все? – пробормотала Виктория, и Пруденс шикнула на нее.

Ровена глянула на Пруденс и отвернулась. Та стиснула кулаки и выдавила улыбку, хотя на сердце стало тяжело от дурных предчувствий.

– Не тяни, Ро. У тебя вид, будто ты лимон проглотила.

– Вроде того. – Ровена прикусила губу. – Понимаешь, дядя не хотел, чтобы ты ехала с нами. Не знаю почему.

Улыбка Пруденс угасла, тело напряглось.

– Нет, знаешь, – тихо произнесла она. – Он считает, что вы слишком близко сошлись с дочерью гувернантки, горничной в прошлом.

– Чушь какая! – вспылила Виктория.

Пруденс не обратила на нее никакого внимания.

– Если граф против моего приезда, то почему я здесь?

– Потому что я не вынесу разлуки с тобой. Только не сейчас. Нам нужно держаться вместе. – Ровена бросила на нее умоляющий взгляд. – Поэтому я договорилась с ним. Сказала, что ты будешь нашей камеристкой, и он, разумеется, не нашелся что возразить.

У Пруденс все обрывалось внутри.

– Что ж, не так все и плохо. – Она попыталась рассмеяться, но вышло похоже на всхлип. – Все равно я за вами приглядываю.

Изящные губы Ровены сжались.

– Боюсь, дядя довольно категорично сказал, что собирается считать тебя прислугой, а не гостьей. Не знаю, что он имел в виду, но прозвучало довольно зловеще.

Пруденс облизала губы внезапно пересохшим языком, который сделался как пергамент.

– Почему ты рассказываешь об этом только сейчас?

– Я боялась, что иначе ты не поедешь. – Ровена уставилась в пол.

Виктория, сидевшая бок о бок, взяла Пруденс за руку:

– Но ты бы все равно поехала, правда, Пру?

Та обнадеживающе сжала руку Виктории:

– Конечно поехала бы. Все будет хорошо.

– Обязательно будет. И это не навсегда. Я что-нибудь придумаю. – Ровена старалась говорить уверенно.

Однако Пруденс, уловив в ее голосе нотки сомнения, отвернулась к окошку. Поехала бы она, если бы знала заранее? Скорее всего, да. Она всегда жила между двумя мирами. С одной стороны, она была Пру, носившейся по дому с подругами, сидевшей с книгой у ног сэра Филипа, выезжавшей с семейством на побережье. С другой – она помогала матери прибирать в классной комнате, а порой и выполнять другие обязанности. Пока был жив сэр Филип, негласная договоренность никому не мешала, и все были счастливы. Но теперь все изменилось, и она сама не знала, к какому миру принадлежит.

Карета завернула за угол, и Виктория возбужденно выкрикнула:

– Вот оно, аббатство Саммерсет! Пруденс, смотри!

Пруденс вытянула шею, и ее сердце упало. Стройные шпили в итальянском стиле, казалось, возносились в небо. Они венчали величественное строение, столь массивное, что оно могло вместить небольшой лондонский квартал. Окрестный ландшафт был настолько ухожен и вылизан, что Пруденс не могла вообразить, чтобы какой-нибудь лист или камень посмел очутиться не на своем месте. Это был не уютный дом, где девочки играют в прятки и прячутся в

уютных нишах или, хихикая, поглощают мясные пироги. Здесь не было поэтов и художников, ведущих долгие беседы за кружкой эля перед камином. В этом замке – а впереди возвышался не особняк, а замок – все знали свое место.

Когда они достигли парадного входа, лорд Саммерсет выбрался из экипажа и подошел к племянницам, чтобы открыть им дверь. Пруденс сошла первой, и у нее сразу заныли колени. Перед ней замерла столбом высокая, худая женщина в колыхавшемся на ветру старомодном платье из черной полушерстяной ткани. Пруденс неуверенно улыбнулась ей. Неужели это леди Саммерсет? Лорд Конрад взял ее за руку, и Пруденс вздрогнула от неожиданности.

– Пруденс, это миссис Харпер, наша экономка. Миссис Харпер, это Пруденс, камеристка моих племянниц. Будьте добры, покажите ей крыло для слуг и помогите устроиться. Вещи принесут позже.

– Да, сэр.

Женщина крепко схватила Пруденс за локоть и повела в обход здания. Пруденс обернулась и увидела Викторию и Ровену, глядевших на нее с разинутым ртом.

Не меньше удивился и лакей, который ждал у кареты, чтобы помочь девушкам сойти. Он тоже видел эту сцену и было дернулся следом, но другой лакей толкнул его локтем, и парень замер на месте.

– Куда это миссис Харпер уводит Пруденс? – спросила Виктория, готовая взорваться.

Дальше Пруденс не слышала. Экономка провела ее по крутой лесенке вниз до маленькой боковой двери.

Вход для слуг.

Если раньше она не знала своего места, то ныне уяснила вполне.

Глава третья

Леди Саммерсет, Амброзия Хаксли Бакстон, наблюдала за прибытием своих новых подопечных, укрывшись в личном будуаре. Окно с частым переплетом выходило на парадный двор, что позволяло графине наблюдать за всеми, кто приезжал в Саммерсет или уезжал из него. Она видела, как ее супруг с должной поспешностью избавился от докучливой девицы. Правильно сделал. Ведь именно он был виновен в создавшейся неразберихе. Леди Саммерсет не любила возводить обвинения понапрасну, но в данном случае все было предельно ясно.

Она придвинулась к окну, однако картина по-прежнему оставалась по краям размытой. Один из многих подарков преклонного возраста, о которых ее никто не предупреждал. Разумеется, дело не безнадежное. Альтернативой старению была кончина в расцвете лет, и хотя некоторые находили в этом романтику – умереть без морщин, леди Саммерсет мыслила слишком здраво, чтобы считать это истиной.

– Гортензия! Подай мне очки.

Не отрывая взгляда от окна, графиня протянула руку. Она знала, что Гортензия давно стоит с очками наготове. Конечно, тактичность не позволяла ей первой предложить их госпоже – одна из массы причин, по которым Гортензия слыла самой ценной камеристкой в Британском королевстве.

Леди Саммерсет надела очки и нахмурилась. Похоже, Виктория собирается устроить скандал. Дитя всегда отличалось склонностью к мелодрамам, но пусть с ней разбирается супруг. Поделом ему, если вдуматься.

Графиня присела в кресло у окна и снова протянула руку:

– Гортензия, будь добра, налей мне чашку чая. Благодарю.

На ее благородном лице засияла самодовольная улыбка, проистекавшая от сознания полнейшей непричастности к сцене, разыгрывавшейся внизу. Все эти годы леди Саммерсет предупреждала, умоляла, угрожала и уговаривала, но ее мудрость и дальновидность были сброшены со счетов, словно домыслы «глупой» женщины. И вот разразилась беда, причем настолько серьезная, что ей было не до ликования по поводу того, что она была права. Придется изыскивать способ уладить дела.

Леди Саммерсет вытянула шею, чтобы разглядеть, вышла ли из кареты Ровена, объект ее истинного интереса. Каждое лето графиня, затаив дыхание, ожидала приезда Ровены в страхе, что у рано расцветшей девочки испортился цвет лица, или она чересчур выросла, или стала слишком полной. Полнота ее собственной дочери Элейн в детстве доставляла леди Саммерсет немало хлопот. Но нет, Ровена с каждым годом расцветала. Леди Саммерсет знала, что красота является одним из немногих оружий, отпущенных в этом мире женщинам, и очень хотела научить племянницу пользоваться своим даром. Она умоляла заблудшего беднягу-деверя разрешить ей вывести Ровену в свет, но он отказался и увез девочек за границу, когда Ровене следовало дебютировать в обществе. Отвратительный тип. Затем он проделал то же самое с Викторией, хотя младшая девочка, бледная, хрупкая и расположенная к нелепым и неуместным замечаниям, была далеко не столь хороша, как ее грациозная сестра.

Но леди Саммерсет не могла спокойно смотреть, как такое добро расходуется впустую. Положение еще можно спасти, хотя в двадцать два года свежесть Ровены уже начала увядать, однако, поскольку девушка не успела примелькаться на приемах и раутах, из которых состояла жизнь лондонского высшего общества, ее появление обещало стать новостью. А коль скоро для Элейн еще не нашли пару, девушки могли посещать балы вместе.

Ровена, вооруженная ингалятором, склонилась над Викторией, которая так разволновалась из-за камеристки, что доигралась до приступа. Леди Саммерсет пожала плечами. Она терпеть не могла истерических выкрутасов.

Раздраженно поеживаясь, графиня отвернулась от окна. Филип остался верен себе, взвалив на нее подобную проблему. И что ей делать с двумя испорченными барышнями, которые выросли среди эстетов, богемы, марксистов и бог знает кого еще? Даже с ее связями и положением в обществе ей будет нелегко устроить им достойный брак. С другой стороны, она потратила столько денег на образование собственной дочери – лучший пансион для благородных девиц в Швейцарии, – что ожидала свадьбы после первого выхода в свет, однако Элейн не только завершила сезон без обручального кольца, но и выказывала глубокое пренебрежение к браку. Подобные взгляды разделяли многие сверстницы дочери. Леди Саммерсет часто обсуждала с подругами новомодную философию и нежелание детей связывать себя матримониальными узами. Впрочем, неважно. Они считали себя умными, но скоро юные кавалеры посмотрят на товарок по детским играм иными глазами, и девушкам семейства Бакстон не

миновать внимания противоположного пола: живость и прекрасные манеры Элейн, очарование и современные взгляды Ровены и даже хрупкость и острый как бритва ум Виктории не позволят им остаться в тени. Вполне возможно, что избалованный донельзя мальчик Катерины Киттредж увлечется Викторией. Колин, слава богу, пользовался любовью сверстников – его товарищи с удовольствием гостили в Саммерсете.

Девочки абсолютно не понимали, сколь важен хороший брак. Помимо красоты, он был для женщин одним из немногих способов обрести власть. Пусть суфражистки кричат о праве голоса. Леди Саммерсет отлично знала, что лишь красота и достойный супруг – желательно со средствами – могли уберечь женщину от ужасов мира, которые выпадали на долю менее удачливых особ.

Но самым главным было как можно скорее избавиться от служанки. Та явно не понимает, какой может вызвать скандал; в противном случае она бы не приехала ни при каких обстоятельствах. Глаза графини сузились. А может быть, понимала и рассчитывала извлечь из него выгоду? Леди Саммерсет покачала головой. Бакстоны не потерпят шантажа, чем бы это ни грозило.

Но как избавиться от девицы, не вызвав ненужных вопросов у племянниц, не говоря уже о собственных детях? Ее интерес к обычной служанке вызовет подозрения. Будь прокляты эти мужчины! Вечно попадают в переделки, но редко соображают, как из них выпутаться.

– Гортензия, – обратилась она к камеристке, – к обеду мне понадобится синее шелковое платье с кремовым рюшем.

Отказом от траура леди Саммерсет надеялась подать мужу недвусмысленный знак. На службу она, конечно, наденет черное, но ни секундой раньше. За годы замужества графиня поняла, что брак является не столько сотрудничеством, сколько военной кампанией. Моменты согласия, когда чета хотела одного и того же, выпадали довольно редко. Она глубоко вздохнула. По крайней мере, они с мужем сходились в желании избавиться от неудобной девицы.

Графиня подняла руки, чтобы Гортензия оправила нижнюю сорочку.

– Девочки привезли с собой камеристку, так что обязанностей у тебя не прибавится. Конечно, появление в доме новой служанки всегда немного

нарушает ход вещей.

Гортензия аккуратно развернула госпожу к зеркалу, чтобы надеть корсет. Леди Саммерсет подозревала, что, если бы ей было видно, каких трудов стоило Гортензии зашнуровать его, она отказалась бы от малинового мороженого и эклеров.

Теперь леди Саммерсет могла наблюдать в зеркале за лицом камеристки. Его выражение редко менялось, и временами по тонким, непроницаемым чертам не удавалось понять, оказывают ли слова госпожи хоть какое-то влияние на Гортензию. По правде говоря, леди Саммерсет побаивалась своей вымуштрованной, шикарной камеристки-француженки. Но утешал тот факт, что ни одна служанка не была настолько востребована, а преданность Гортензии не вызывала сомнений. Однажды, когда леди Саммерсет сражалась в бридж с беднягой Берти и отчаянно старалась якобы честно проиграть его высочеству, в верхнем зале графиня Фетерингтон попыталась переманить Гортензию у нее из-под носа таким щедрым жалованьем, что леди Саммерсет ошеломленно заморгала, едва узнала об этом. Камеристка отказалась от предложения, и когда леди Фетерингтон рассказала о верности Гортензии (подумать только, в ее же присутствии!), леди Саммерсет ничего не оставалось, как только вознаградить ту прибавкой.

– Ты, разумеется, будешь докладывать мне, как приживается новенькая и насколько исправно выполняет свои обязанности, – сказала графиня, внимательно наблюдая за лицом камеристки.

Гортензия слегка затянула шнуровку; черные глаза взметнулись вверх и встретились в зеркале с глазами госпожи.

– Конечно, миледи.

– Присматривай за ней. Мы не хотим, чтобы она решила, будто новички в Саммерсете могут рассчитывать на поблажки. Она должна работать и вести себя как любая другая камеристка в аббатстве.

Гортензия изобразила дежурную улыбку, но та не затронула глаз, и леди Саммерсет недовольно повела плечами. Право же, Гортензии следовало быть более признательной.

– Не тревожьтесь, я лично проверю, обладает ли камеристка ваших племянниц всеми необходимыми навыками. – Француженка ответила быстро, как будто почуяла неудовольствие госпожи.

К той вернулось хорошее настроение.

– Ты просто душечка, Гортензия, благодарю тебя. Не хочу, чтобы бедную девочку встретили негостеприимно, но всякое пополнение среди слуг всегда чревато некоторыми проблемами, а она довольно необычна.

– Что вы имеете в виду, миледи? – Камеристка перехватила ее взгляд в зеркале.

– Она воспитывалась не как прислуга. Уверена, что бедняжке больше подойдет место за пределами Саммерсета. Может быть, ты и других слуг попросишь присматривать за ней?

– Конечно, миледи.

Леди Саммерсет наблюдала, как горничная ловко и быстро застегивает нижнюю юбку. Затем она села и откинулась на спинку кресла. Проворные пальцы колдовали над прической – у графини на глазах творилось французское волшебство. По взгляду камеристки леди Саммерсет поняла, что намек принят к сведению и объяснять в открытую незначет. Существование новенькой осложнится.

Она утаила от Гортензии одно: будущее семьи зависело исключительно от скорейшего выдворения этой девицы. И если супруг не сумел этого сделать, то действовать будет леди Саммерсет.

* * *

Приняв лекарство, которое помогало ей восстановить дыхание, Виктория невольно разгневалась – нет, испытала отвращение к собственной немоци, лишавшей ее сил в самый ответственный момент. Едва она выступила в защиту Пруденс, как приступ превратил ее в беспомощного ребенка. Как тут стать взрослой, если она не в состоянии исправить простейшую несправедливость?

Когда Виктория наконец смогла дышать, она вернула ингалятор Ровене.

– Прекрасно разыграно, девочки. – (Услышав язвительный голос дяди, Виктория вскинула голову). – Вы уже вынудили меня привезти Пруденс сюда, – продолжил граф. – Можете не надеяться, что и впредь с той же легкостью будете мной вертеть. Виктория, отправляйся в комнату и отдохни до обеда. Ровена, будь добра, проследи, чтобы вещи доставили в ваши комнаты. – Поджав губы, он развернулся и пошел прочь, не удостоив их взглядом.

– Почему ты его не остановила? – спросила Виктория, когда к ней вернулся дар речи.

Ровена стояла, оправляя юбку черного дорожного костюма:

– Ты не понимаешь. Пока мне не исполнится двадцать пять, все наше имущество находится в руках дяди.

– Значит, до тех пор у нас не будет денег? – нахмурилась Виктория.

– Да у нас их полно. – Ровена одарила сестру мрачной улыбкой. – Мы просто не можем к ним прикоснуться, а живем у него. Ты что, серьезно надеешься победить дядюшку в его собственном доме?

– Если Пруденс нельзя остаться со мной, я лучше вернусь домой, – проворчала Виктория.

Она оперлась на руку Ровены, выпрямилась и пошатнулась: мышцы сводило от долгой поездки в карете, а ноги еще дрожали от лекарства.

– Ох, Вик, – вздохнула Ровена и тихо добавила: – Боюсь, что сейчас нам не найти лучшего места.

Они стояли рука об руку, оглядывая величественный фасад особняка, где вырос их отец и многие поколения Бакстонов до него. Строительный камень, доставленный из Бата, выветрился и выгорел до теплого медового цвета, который больше подошел бы итальянской вилле, чем английской усадьбе. Высоко над парадным входом восседали горгульи, охранявшие дом от незваных

гостей. Отец рассказывал девочкам, что горгулий звали Гог и Магог, и сочинял истории об их приключениях после захода солнца, когда они освобождались от несения службы.

Виктория любила в этом доме каждый уголок, хотя, как было сказано Пруденс, тот многих пугал.

– Может, и так... Но что будет с Пруденс?

Не успела Ровена ответить, как парадная дверь распахнулась и из нее выскочила модно одетая молодая женщина с золотисто-каштановыми волосами. Она легко пробежала по вымощенной гравием дорожке и стиснула Викторию в объятиях.

– Мне ужасно жалко дядю Филипа. Вы, наверное, убиты горем.

Виктория позволила себя обнять, затем отстранилась и потрясенно оглядела кузину:

– Элейн! Только посмотрите на нее, какая красивая и модная!

– Неужели мы не виделись больше года, – рассмеялась Элейн.

Виктория не могла наглядеться на кузину. В последнюю встречу Элейн была симпатичной пышкой с красивыми голубыми глазами и милой улыбкой, однако застенчивость превращала ее в невидимку. Нынешняя обновленная Элейн с очаровательно подвитыми локонами и стройной фигурой, подчеркнутой зауженным полосатым платьем, едва ли напоминала девочку, которая позапрошлым летом играла с Викторией в прятки.

– Идем. – Элейн взяла ее под руку. – Ты, наверное, устала с дороги. Не понимаю, почему папа отказался от машины. Он такой старомодный.

Ровена не тронулась с места:

– Я присмотрю за вещами. Скоро поднимусь к вам.

Виктории снова стало трудно дышать. Она догадалась, что сестра собирается отделить чемоданы Пруденс, чтобы их отнесли в помещения для прислуги. Ошеломленная и подавленная, Виктория позволила кузине увести себя в дом.

У нее, как обычно,хватило дух при входе в длинную галерею, которая вела в Главный зал в виде ротонды с куполообразным потолком. Галерея располагалась в центре дома, напоминая о временах Средневековья, когда лорды и их супруги встречали в конце изысканно убранной галереи именитых гостей. В Главном зале высоко над головой вздымался сводчатый потолок с кессонами – жемчужина зала, украшенного позолоченными лепными розетками и являвшегося самым высоким помещением в особняке. В круглое отверстие по центру купола лился солнечный свет, плясавший и отражавшийся от мраморных колонн. Верхняя часть стен была расписана огромными фресками, где над жестокими батальными сценами безмятежно парили ангелы.

– Мама отдыхает, но обещала выйти к обеду. Ты, как всегда, будешь в Розовой комнате? Я перебралась в Покои принцессы, это рядом с вами.

Виктория не прерывала болтовню кузины. Долгое путешествие, приступ и тревога о Пруденс вымотали ее. Она почти не вслушивалась, пока не прозвучало имя Пруденс.

– Прошу прощения?

– Я говорила, пусть камеристка приготовит ванну перед обедом. Это же та самая девушка, Пруденс? Которая жила с вами? Я не знала, что она твоя камеристка.

Виктория застыла под натиском любопытства Элейн. У Виктории не было желания говорить об этом, но Элейн ждала ответа.

– Она не камеристка. Просто временно помогает нам.

– Но кто же она тогда, если не камеристка?

Виктории не хотелось объяснять.

– Ты только посмотри! У вас электричество? – Она указала на ряд ламп вдоль парадной лестницы в конце зала.

– Ну да. – Внезапная перемена темы сбила Элейн с толку. – Прошлым летом папа распорядился провести освещение на нижних этажах. В верхних комнатах его еще нет.

Девушки поднялись по лестнице, свернули налево, оставив позади гостевые комнаты, которые выходили в галерею над Главным залом, и направились в южное крыло, где располагались семейные покои. В конце коридора висел огромный портрет их деда, восьмого герцога Саммерсета. Невидимая аура, исходившая от полотна, создавала зловещую атмосферу. При виде его Виктория споткнулась и по ее телу пробежала дрожь. Элейн задержалась и заметила, на что смотрит ее кузина.

– Ах да. Отец велел перенести портрет из столовой. Сказал, что у него от одного взгляда на эту картину случается несварение.

Виктория недоверчиво распахнула глаза, и Элейн закивала:

– Когда я жалуюсь матери на строгость отца, она всегда говорит, что надо быть благодарной. Отец в тысячу раз лучше старого герцога.

– Жуть какая, – пробормотала Виктория, чем вызвала смех кузины.

Виктория говорила не о дядиных навыках воспитания, а о самом портрете. Как у большинства Бакстонов, у герцога были густые темные волосы, волевой подбородок и зеленые глаза. Но если у всех ныне здравствующих родственников глаза постоянно, как океан, меняли цвет, то художник запечатлел взгляд герцога таким, каким его запомнила Виктория. Неподвижный, как у ящерицы, без малейшего намека на чувства.

– Я видела деда всего несколько раз, в раннем детстве, и плохо его помню. Мне кажется, или он действительно был таким страшным?

Элейн придвинулась ближе и прошептала на ухо:

– Хуже. Когда он совсем ослаб, мама водила меня к нему. Забавно, что она не доверяла это ни няне, ни гувернантке. Она всегда делала это сама и ни на шаг не отходила. Деду не было до нас дела, как и нам до него, но мать хотела исполнить долг. И она, по-моему, никогда не навещала его в одиночку, что странно, если учесть ее амбиции. – Элейн взяла Викторию под руку, и обе свернули к Розовой комнате. – Никому не говори, но стоило матери подойти поближе, как старик не упускал случая ущипнуть ее за зад.

Виктория потрясенно расхохоталась, представив вдруг эту сцену, и выбросила неприятный портрет из головы, едва переступила порог своей спальни. На самом деле тут была не одна комната, а три: маленькая гостиная с просторной гардеробной и ванная по одну сторону и спальня по другую. Название комната получила благодаря расписному бордюру из голубых роз под изящнейшей лепниной на потолке. У задней стены, между двумя большими окнами, располагался туалетный столик в стиле ампир и резное зеркало, а перед маленьким белым камином стояли две полосатые сине-белые кушетки со спинкой в изголовье. Паркет покрывал мягкий аксминстерский ковер, на столиках стояли свежие цветы из оранжереи.

Виктория вынула шпильки, державшие шляпку, и заглянула в спальню. Такая же цветовая гамма: синее французское покрывало и белоснежные подушки-думки с вышивкой. Сколько раз ленивыми летними днями она читала и грезил в этой изысканной дамской обители! Раз уж пришлось покинуть родной дом, то лучшего места ей не найти.

– Тебе что-нибудь нужно? Может, позвонить горничной, чтобы принесла чай?

Виктория положила шляпку на туалетный столик и повернулась к кухне:

– Было бы здорово, но сперва отведи меня в крыло для слуг.

– В крыло для слуг? Зачем? – заморгала Элейн.

Виктория пригвоздила ее взглядом, и той хватило совести покраснеть, тем самым подтвердив, что догадки Виктории верны. Элейн откуда-то знала о положении Пруденс. Может быть, дядя предупредил ее телеграммой? Виктория пока не понимала, что происходит в Саммерсете, но собиралась выяснить.

Глава четвертая

Пруденс следовала по темному лабиринту коридоров за костлявой недовольной спиной миссис Харпер.

– Справа зал для слуг. – Экономка указала на длинное узкое помещение, куда просачивался лишь свет из маленьких окон под потолком. – Кухня с другой стороны, но тебе не придется там часто бывать, разве что юным господам захочется чая в неурочное время.

Из кухни доносились звон посуды и громкие голоса.

– Кухню я покажу позже. Сейчас там заняты обедом. Тут комната для шитья.

Экономка приоткрыла очередную дверь справа. В середине лишенной окон комнаты стоял длинный стол, дальше – швейная машинка и стеллаж с толстыми рулонами ткани.

– Здесь есть все необходимое для починки платьев и нижнего белья твоих барышень.

Пруденс так удивилась, что не задумываясь выпалила:

– Я не умею шить.

Миссис Харпер неодобрительно сморщила свой длинный нос:

– Тогда тебе лучше научиться. Гортензия слишком занята с леди Саммерсет и леди Элейн, чтобы выполнять и твою работу.

Должным образом пристыженная, Пруденс последовала за миссис Харпер наверх по крутой лестнице. Тесный колодец освещался газовыми лампами. Ступеньки просели по центру, вытертые бесчисленным количеством ног. Сколько же слуг так и прожили жизнь в беготне по этой лестнице?

После показавшегося бесконечным подъема на несколько этажей женщины вышли в узкий темный коридор, по обе стороны которого тянулись двери. Здесь пахло плесенью, потом и, как ни странно, ванилью.

– Мы называем это место юбочным коридором. Здесь находятся комнаты для прислуги. Мужчины живут на другой половине крыла, и сюда им доступ заказан. Если тебя поймут за вольностями с противоположным полом – уволят без предупреждения. Жалованье тридцать два фунта в год, на руки будешь получать ежемесячно.

Миссис Харпер остановилась перед одной из дверей и достала из вместительного кармана внушительную связку ключей на медном кольце. После долгих переборов она отыскала нужный, отворила дверь и посторонилась, приглашая Пруденс войти.

Сглотнув комок, та вошла в каморку восемь на восемь футов. После милого дома, который она покинула, убогая обстановка комнаты подействовала на Пруденс так, словно ее ударили. Железная кровать в середине шелушилась старой зеленой краской, матрас прятался под тощим лоскутным одеялом. Единственное окно было завешано грубой желтой мешковиной. Под ним стоял шаткий комод без ручек. На умывальном столике возле кровати приютились белая, со сколами, чаша и кувшин. Над столом висело маленькое зеркало в трещинах. Шкафа для одежды не было.

На кровати лежали две ситцевые блузы в черно-белую полоску и две простые черные юбки из бомбазина.

– Разумеется, стоимость форменной одежды вычтут из жалованья. Я дам тебе список правил. Будь добра ознакомиться с ними как можно скорее. Мы с мистером Кэрнсом гордимся тем, что дела в этом доме идут гладко, а новички всегда вносят некоторый беспорядок.

По спине Пруденс пробежали мурашки, и вызваны они были не сквозняком. Что она делает в этой конуре на пару с брюзгливой, придирчивой женщиной? Это не ее жизнь. Ее жизнью были Вик, Ро и сэр Филип в теплом, гостеприимном доме, наполненном музыкой и весельем. Но сэра Филипа не стало, и Пруденс с новой остротой осознала, что прошлого не вернуть.

Миссис Харпер снова порылась в кармане и протянула ей лист бумаги и ключ на длинной цепочке:

– Это ключ от комнаты. Носи его на шее. А правила повесь над умывальным столиком, пока не выучишь наизусть. Я всегда так советую юным девушкам, вы же любите постоянно вертеться перед зеркалом.

Пруденс безмолвно взяла ключ и бумагу. Из коридора донеслись приглушенные проклятия и топот. Миссис Харпер выглянула за дверь:

– Это что, ее вещи?

Пруденс уже смирилась с мыслью, что не услышит в голосе экономки ничего, кроме неодобрения, но сейчас в нем звучало явное удивление.

Обеим пришлось прижаться к стене, пока четверо мужчин – двое в ярких бархатных ливреях, двое в грубой рабочей одежде – вносили в каморку сундуки. Пруденс признала в одном лакее симпатичного молодого человека, который был так шокирован ее изгнанием из экипажа. У парня было простое, но приятное лицо и дружелюбные зеленые глаза.

Лакированные дубовые сундуки вмиг сделались самыми привлекательными предметами обстановки. Мужчины с ухмылками взирали на них, пока миссис Харпер не выставила слуг из комнаты. Перед выходом лакей тепло улыбнулся Пруденс.

Девушка какое-то время выждала, но затем поняла, что миссис Харпер никуда не уйдет, пока не заглянет в сундуки. Пруденс нехотя присела и под критическим взглядом экономки отомкнула первый. Поскольку ей было известно, что в Саммерсет они едут надолго, она захватила с собой дорогие ее сердцу вещи. Детские книги, бросить которые не поднималась рука, сверкающую шкатулку для драгоценностей – подарок сэра Филипа на двадцатилетие – и серебряные щетку и расческу, оставшиеся от матери. Она почти обоняла неодобрение миссис Харпер, пока расставляла на комоде книги, шкатулку и укладывала расческу и щетку на столик для умывания. В спартанской обстановке комнаты эти вещи выглядели неуместно яркими, как орхидеи среди чертополоха. Последней Пруденс достала фотографию матери в изысканно украшенной серебряной рамке. Снимок сделали, когда мать была чуть моложе,

чем она теперь. Ноздри миссис Харпер раздулись, она взяла снимок в руки.

– Кто эта женщина?

– Моя мать.

Экономка бросила на девушку острый взгляд и поджала губы.

Пруденс оглядела привезенную с собой одежду. Ей, как и Ровене с Викторией, сшили несколько траурных нарядов, но даже простые черные платья выглядели неуместными для служанки благодаря дорогим тканям и модному фасону. Пруденс перешла к нижнему белью. Комбинация покроя «принцесса» из тонкого льна с валансьенскими кружевами на груди, несколько сорочек с продетыми по вороту голубыми шелковыми лентами и мягкая батистовая ночная рубашка с вышитыми фестонами.

– В жизни не видела подобной нелепицы, – фыркнула миссис Харпер. – Не знаю, чем ты занималась до приезда в Саммерсет, но здесь таких подарков не жди. – С этими словами экономка вылетела из комнаты.

Пруденс готова была сгореть от стыда. Судя по всему, ее приняли за избалованную содержанку. Миссис Харпер с ее вечно поджатыми губами понятия не имела, что несколько часов назад к Пруденс относились так же, как к Ровене и Виктории. Пруденс захлопнула дверь и на миг почувствовала себя лучше. Но следом накатил волна глубокого, полнейшего одиночества.

Она тяжело опустилась на кровать, комкая листок с правилами. Затем разгладила бумагу и прочла:

Леди и джентльмены не должны слышать вашего голоса.

Если к вам обращаются, отвечайте вежливо, но не заговаривайте, если вас не спрашивают.

При встрече на лестнице с господами или их гостями опустите глаза и посторонитесь.

Никогда не разговаривайте с другими слугами в присутствии госпожи.

Не подзывайте никого из другой комнаты криком.

На звук колокольчика отвечает только дворецкий.

Слуги сами следят за тем, чтобы в положенное время не пропустить прием пищи. Повар не будет готовить еду для вас лично.

Слугам ни под каким предлогом не разрешается выносить ножи, вилки и другие приборы из Большого зала, а также забирать оттуда еду.

Женщинам запрещается курить.

Слугам запрещено приглашать гостей.

Сумма любого ущерба, причиненного хозяйству, вычитается из жалованья.

С каждым прочитанным правилом Пруденс, казалось, слышала, как наглухо захлопываются двери, связывавшие ее с прошлым. Какое отношение имеют к ней эти жуткие распоряжения? Она оглядела голую комнату, и глаза наполнились слезами. Что она тут делает? Ей хотелось найти утешение у Ро и Вик, но Пруденс не могла рассказать им, в какую пучину отчаяния она низверглась. Им было достаточно горя, чтобы переживать еще и за нее. Пруденс обхватила себя руками, мысленно твердя, что она вовсе не одинока, даже если правила выглядят так, будто писались специально для того, чтобы разлучить ее с сестрами.

В дверь робко постучали. Пруденс наспех вытерла глаза, отворила и чуть не упала под напором Виктории, заключившей ее в объятия. Чуть дальше, не решаясь войти, стояла молодая женщина в красивом платье.

– Пруденс, какой кошмар, прости! Я точно знаю, что Ровена этого не хотела.

Пруденс расслышала надсадные хрипы, скрывавшиеся за слезами Виктории. Она прижалась щекой к блестящим волосам девушки:

– Все хорошо. Не надо так убиваться, Вик. И не приходи сюда больше. Эта лестница тебя убьет!

Виктория сердито высвободилась из объятий и оглядела комнату:

– Так вот куда они тебя поселили? Наша ванная в Лондоне и то просторнее!

Давняя привычка успокаивать младшую дочь сэра Филипа утвердила Пруденс в намерении не жаловаться на собственную судьбу.

– Ну а сколько, по-твоему, мне нужно места? Я покрупнее тебя, но все равно прекрасно устроюсь.

Пруденс перевела взгляд на стоявшую в дверях девушку.

– А вы, должно быть, Элейн, – догадалась она и сразу прикусила губу.

Она пробыла здесь совсем недолго, а уже нарушила правило миссис Харпер.

Не заговаривайте, если вас не спрашивают.

Элейн смотрела на Викторию, и на лице ее отражалась борьба между воспитанием и хорошими манерами. Неловкое молчание затянулось; Виктория упрямо поджала губы и с терпеливостью Иова ждала, когда кузина примет ее новомодные понятия. Элейн помешкала еще секунду и наконец протянула руку с ослепительной улыбкой, отточенной за многие поколения безупречной родословной Бакстонов.

Стоило Элейн сдаться, как Виктория изящно вмешалась:

– Элейн, это моя обожаемая названная сестра Пруденс. Пруденс, это моя кузина Элейн.

Хотя Пруденс годами выслушивала рассказы сестер о саммерсетской родне, их отзывы часто бывали смешанными. Похоже было, что вдали от матери Элейн становилась милейшей девушкой, однако в ее присутствии превращалась в легкомысленную пустышку.

Тем не менее Пруденс улыбнулась в ответ. Не ее дело судить людей. Особенно теперь.

– Это никуда не годится. – Виктория повернулась к ней. – Ты не можешь здесь оставаться. Тут даже скотину нельзя держать, не то что мою сестру.

Пруденс заметила через ее плечо, как поморщилась Элейн. Та не осмеливалась согласиться и тем оскорбить хозяйку дома, да и что могла сделать Виктория?

Пруденс потрепала Викторию по плечу:

– Отличное временное пристанище. Это же не навсегда. К тому же я вряд ли буду проводить здесь много времени.

– Это верно, – согласилась Элейн. – Большую часть дня она будет с тобой и Ровеной. Мамина камеристка так занята, что почти не появляется в своей комнате.

Виктория прищурилась и мрачно зыркнула на кухню. Элейн не обратила на нее внимания и прошла по комнате, как будто видела ее впервые в жизни. «А почему бы и нет», – внутренне усмехнулась Пруденс. Элейн остановилась перед туалетным столиком.

– Это твоя мать? – спросила она, рассматривая фотографию и озадаченно хмурясь. – Она очень красивая.

– Да, это она, спасибо. Мама умерла несколько лет назад.

– О, мне очень жаль. – Элейн поставила снимок на место.

Что-то неуловимое в ее тоне навело Пруденс на мысль, что Элейн прекрасно знала, чья это фотография.

– Нам пора. – Кузина обернулась к Виктории. – Пора переодеться к обеду, да и мама будет в ярости, если узнает, что мы сюда заходили.

У Виктории задрожали губы, но Пруденс легонько подтолкнула ее к выходу.

– Ступай. Я переоденусь, умоюсь и спущусь к вам.

– Обещаешь?

– Обещаю. Только объясни, как добраться до твоей комнаты.

Когда девушки ушли, Пруденс быстро переделась и причесалась. Все, что угодно, лишь бы не думать об одиночестве. Она не знала судьбы страшнее, чем оказаться одной в целом мире. Пруденс не чувствовала себя потерянной после смерти матери, потому что ее окружала семья; пусть в их жилах текла другая кровь, она знала, что всегда может на нее положиться. Теперь, когда не стало сэра Филипа, у нее остались только Виктория и Ровена. Виктория была почти ребенок и мучилась приступами, а Ровена отличалась непостоянством и нерешительностью. Опереться на Ровену мог разве что глупец, и Пруденс, осознав эту правду, испытала легкий озноб.

Но разве у нее был выбор?

Отогнав тревожные думы, она взглянула на материнское фото и после – на свое отражение в зеркале. В ней было мало сходства с милой миниатюрной женщиной на снимке. У матери, как она помнила, были светло-каштановые волосы и небесно-голубые глаза, тогда как локоны Пруденс отливали красным деревом, а глаза были зелеными, как трава. Нос, подбородок и скулы были тонко заострены и разительно отличались от круглого и славного лица мамы.

Оглядевшись, Пруденс вдруг поняла, что мать могла остаться в этих холодных казематах. Могла работать под командованием миссис Харпер, снова по служебной лестнице и мечтать о дне, когда покинет Саммерсет.

Конечно же, мать знала и графа, и сэра Филипа, когда все были молоды. Пруденс нахмурилась, в очередной раз задавшись вопросом: с какой такой стати сэр Филип возвел простую горничную в гувернантки? Конечно, мать отличалась

умом и начитанностью, но не могла сравниться образованностью с большинством гувернанток.

Пруденс охватила тоска по матери. Возможно, здесь она хотя бы узнает больше о той, кого беззаветно любила, но чье прошлое было покрыто тайной. Быть может, она даже отыщет своих родных.

Потому что сейчас ей, как никогда, нужна поддержка семьи.

Глава пятая

Ровена расхаживала по спальне, кутаясь в шаль, едва замечая новый, зеленый с золотом ковер от Морриса[6 - Уильям Моррис – выдающийся английский дизайнер XIX века. – Прим. ред.]. С последнего визита покои претерпели значительные изменения: обои с махровыми розами заменили зелеными с плющом, а темную антикварную мебель – современной, из полированной горной сосны.

Но даже элегантная отремонтированная комната не могла скрыть тот факт, что Ровена чувствовала себя лисицей, загнанной в нору, – загнанной непривычной ответственностью, положением в обществе и принадлежностью к женскому полу. Дядя забрал всю власть, а у нее не было никакой. И она, и Виктория, и Пруденс превратились в беспомощных марионеток вроде Панча и Джуди, полностью подчиненных кукловоду.

Когда Ровена принимала ванну, к ней по пути в свою комнату заглянула Виктория и с полным упреком взглядом описала каморку Пруденс. Как будто Ровена могла это изменить.

Или вообще хоть что-то сделать.

Вконец раздосадованная, Ровена распахнула сундук, чтобы выбрать подходящее вечернее платье. Почему ее вещи до сих пор не распаковали? Где горничная?

Ровена замерла, в горле образовался комок. Ее горничной была Пруденс.

– Проклятье! – пробормотала она, извлекая черное шелковое платье с кружевной верхней юбкой.

В дверь осторожно постучали. Ровена бросила платье на кровать и в домашнем капоте направилась к выходу. Она была не в том настроении, чтобы принимать посетителей. На пороге стояла Пруденс в простой полосатой блузке, едва сходявшейся на груди, и черной юбке, болтавшейся на стройных бедрах. Обе на миг застыли. Слишком многое изменилось с тех пор, как они расстались нынешним полднем.

– Можно войти? – спросила Пруденс.

Она стояла прямо, с достоинством, но глаза были красные, будто заплаканные.

У Ровены сжалось сердце, и нерешительность как рукой сняло.

– Дуреха. Заходи. – Она втащила Пруденс в комнату, захлопнула дверь и обняла ее.

– Прости, ради бога. Я не знала, что так получится.

Пруденс коротко обняла ее в ответ, затем отступила.

– Это не навсегда, – ответила она.

Ровена кивнула, хотя тон Пруденс показался ей фальшивым.

– Я что-нибудь придумаю, обещаю. – И тут же невидимая петля затянулась туже. – Просто... сейчас я не знаю, что делать, – прошептала она и обхватила себя руками.

Пруденс отошла, кивнула, и до Ровены донесся ее глубокий вздох. Когда девушка повернулась обратно, на ее лице играла неуверенная улыбка.

– Ну и бедлам. Мне придется серьезно потолковать с твоей горничной. Теперь хорошую прислугу не сыщешь днем с огнем. – Она вынула из сундука стопку

одежды и принялась развешивать в шкафу.

Ровена улыбнулась в ответ, хотя комок в горле стал больше.

– У меня нет горничной, у меня есть сестра.

Пальцы Пруденс путались в лентах, которые она пыталась завязать, но теперь ее улыбка показалась более искренней.

– Тогда почему бы твоей сестре не убрать кое-что лишнее, пока ты одеваешься к ужину?

Пруденс кинула ей простую белую хлопковую сорочку, Ровена развязала пояс, и капот соскользнул на пол. Она надела сорочку через голову и ловко поймала брошенные шелковые чулки.

– Я познакомилась с вашей кузиной, – продолжала Пруденс, не отрываясь от дела.

– И как она тебе?

Ровена натянула чулки и встала, чтобы Пруденс смогла надеть на нее легкий корсет. Все три девушки давно отказались от тяжелых утягивающих корсетов и предпочитали простые модели для верховой езды, благо те куда меньше стесняли движения. В итоге портным пришлось перешить большинство платьев, чтобы талия сидела как надо, но сестры Бакстон давно сообща решили, что возможность свободно дышать того стоит. Корсет с длинной прямой планшеткой насчитывал совсем немного косточек; Пруденс застегнула передние пуговицы,правила бока и приступила к шнуровке на спине:

– Она мало что говорила, но ее заинтересовала фотография матери.

Ровена задержала дыхание, покуда Пруденс затягивала шнуровку.

– И что она сказала? – Ровена пристегивала чулки.

– Просто спросила, не моя ли это мать. – Пруденс пошарила в сундучке для обуви и достала пару черных французских туфель на каблуке. – Но вот что странно. Мне показалось, что она уже знала, кто это.

Пока Ровена надевала туфли, Пруденс разложила кр?гом на полу нижнюю юбку. Ровена ступила в центр, и Пруденс потянула материю вверх. Девушки годами помогали друг другу одеваться и знали, что делать.

– Почему странно? Разве твоя мама не служила здесь до замужества? Возможно, Элейн о ней слышала.

Ровена подняла руки, и Пруденс натянула на нее платье, затем проделала то же с кружевной верхней юбкой.

– Это и странно. С чего бы ей слушать про обычную горничную, которая служила здесь до ее рождения?

– Я не подумала. Ты права, – нахмурилась Ровена. – Я просто забыла, что мы не дома. Там мы прекрасно знали всех. А здесь, по-моему, не знают в лицо и половины своих людей.

– Вот и я о том же. – Пруденс наклонила голову и критически оглядела сестру. – Уложить тебе волосы?

Ровена помотала головой и присела за туалетный столик.

– Зачешу их назад и стяну в низкий узел. – Она глянула в зеркало и замаялась. – Так непривычно: ты помогаешь мне одеваться, а я тебе – нет.

– По-твоему, они не оценят мое вечернее платье? – криво улыбнулась Пруденс.

Она закружилась по комнате, и Ровена ответила вялым смешком. Даже от мимолетной улыбки лицо Пруденс озарилось внутренним светом, и Ровена в который раз подивилась ее непониманию собственной красоты.

– По-моему, ты прекрасна в любом наряде.

Улыбка поблекла, а затем пропала.

– Но дело же не в нем? Даже если я буду в роскошном наряде от Пуаре[7 - Поль Пуаре – парижский модельер высшего класса, один из самых влиятельных создателей моды. – Прим. ред.], они все равно не пустят меня за свой стол.

Ровена вертела в руках щетку для волос, чтобы не встречаться глазами с Пруденс.

– Прости, Пру. – Вот все, что она сумела сказать.

Она никогда не рассматривала свою семью под таким углом. Только сейчас она поняла, насколько отец оградил их от принятых в Саммерсете обычаев, ныне вдруг представших во всей красе. Однако он никогда не скрывал от дочерей прочую правду жизни – к чему утаивать глубину высокомерия и предвзятости, царивших в подобных Саммерсету местах? Потому что ему нравилось здесь, сообразила Ровена. Отец видел изъяны и понимал, что дочери не примут таких порядков, но все же хотел, чтобы они ценили красоту, достоинство и элегантность его обожаемого дома. Ровена поморщилась, вновь вспомнив о нетерпимости, которую выказала по отношению к Пруденс даже легкомысленная Элейн.

– Я очень сожалею, Пру, – повторила она.

– Я знаю. – В наступившей тишине, казалось, звенели невысказанные слова. – Пойду помогу одеться Виктории.

Ровена кивнула и повернулась к зеркалу. Скрутила волосы в пучок и беспорядочно воткнула гребни из слоновой кости и перламутра. Если ее прическу не одобряют, пусть отправляются к чертовой матери. Она оказалась здесь не по своей воле. Она не выбирала ни кончины отца, ни семьи, в которой полно несносных снобов.

– Тогда почему я чувствую себя виноватой? – спросила Ровена у зеркала.

Она извлекла из шкатулки изящное жемчужное ожерелье, передумала и выбрала простой золотой медальон, подарок отца. Не находя себя покоя, Ровена

решила спуститься в гостиную, хотя до обеда еще оставалось время.

Из комнаты Виктории донесся смех Пруденс. Сестра с присущей ей пылкостью занималась очередной веселой чепухой: читала стихи, заменяя слова. Виктория могла расшевелить кого угодно. Ровена уже собралась войти, но остановилась. Ее не покидало чувство, что девушки, пусть это и несправедливо, во всем винили ее, и она решила не омрачать их веселье. Видит Бог, они нуждались в этом.

Элейн уже расположилась в гостиной, когда явилась Ровена.

– Надо же, твоя матушка трудилась не покладая рук. Я здесь всего ничего, а вижу вторую комнату, которую полностью переделали с прошлого раза.

Всю мебель покрывали кремовые чехлы с набивным рисунком из ярко-алых роз. Ковер, напротив, был темно-красным. Стены оклеили золотистыми обоями. Но главным украшением комнаты была огромная хрустальная люстра, которая свисала с потолка с лепниной настолько искусной, что она казалась вырезанной из камня.

– А чем ей еще заниматься? – хохотнула Элейн и подошла к сервировочному столу. – Хочешь попробовать американский коктейль, пока родителей нет?

– Что-что ты пьешь? – удивленно спросила Ровена.

– Пробовала джин-слинг? – (Ровена покачала головой.) – Колин научил меня делать этот коктейль, когда приезжал из Оксфорда. Вкусно и голову дурит, но очень приятно.

– А почему бы и нет?

Ровена подумала, что малость одуреть будет в самый раз. Она наблюдала, как Элейн умело смешивает содержимое нескольких граненых графинов – явно не в первый раз.

– Как поживает Колин?

Элейн усмехнулась, и Ровена в очередной раз поразились, насколько ее кузина изменилась за год. Алебастровая кожа, черный шелк, французские каблуки – лишние дюймы превращали пышные формы в воздушные.

– Тебе родительскую версию или правду?

– Я всегда предпочитаю правду. – Ровена забрала у Элейн стакан.

– Он ненавидит университет почти так же сильно, как и поместье. О, не пойми меня неправильно, Колин любит Саммерсет, но не хочет похоронить себя в заботах о ценах на шерсть, пшеницу и ренте. Он был бы счастлив не вылезать из гаража, но кто и когда слышал о графе Моторов?

Ровена осторожно отпила из бокала и поежилась, когда содержимое обожгло горло.

– И что он собирается делать?

– А что ему остается? – пожала плечами Элейн. – Что остается нам всем? Только то, разумеется, чего от нас ждут.

В груди Ровены растеклось тепло, напряжение в плечах и шее отпустило. Она с удовольствием глотнула еще.

– Значит, он не станет механиком, лучше быть графом?

– Кто не станет механиком? – Виктория неслышно подошла сзади.

– Король Георг, – быстро ответила Элейн и бросила на Ровену предупреждающий взгляд.

Виктория плюхнулась на кушетку.

– Значит, маетесь дурью. Ну и пожалуйста, секретничайте дальше. У меня и свои тайны имеются.

– Например?

Ровена допила коктейль и передала бокал кухне. Элейн тоже сделала последний глоток и спрятала бокалы за мраморным изваянием Артемиды.

– Скоро узнаешь, – отмахнулась Виктория.

– Девочки! Мои милые племянницы! Как вы справляетесь с трагической потерей вашего дорогого отца?

Ровену передернуло при звуке холодного, светского голоса тети.

– Не буду, конечно, говорить за Викторию, но сама чувствую себя хорошо, насколько это возможно.

– Тетя, я совершенно убита. – Виктория поднялась с кушетки и сцепила руки перед собой. – Совсем как в поэме Элизабет Баррет Браунинг:

Скорбь безнадежная бесстрашна.

Пусть обезумевший от боли

И от отчаянья кричит

Упреки Богу...[8 - Перевод Якова Фельдмана. – Прим. ред.]

– Как я тебя понимаю, бедняжка, – прервала ее тетя Шарлотта.

Виктория поняла намек и подошла поцеловать ее в щеку, не дочитав до конца.

Ровена глубоко вздохнула и последовала за ней.

Тетя Шарлотта прославилась как самая красивая дебютантка своего сезона, а то и всех восьмидесятых. Почтенные дамы до сих пор вспоминали ее красоту и особую грацию в столь юные годы, которые выделяли графиню даже в изысканном окружении принца Уэльского. Тетя завершила поразительно успешный светский сезон блестящим замужеством и вскоре уже сама давала роскошные балы, куда стекались сливки английского общества. Долгие годы

свет славил ее красоту и ум, и даже сейчас только пристальный наблюдатель мог заметить легкое увядание милых черт, как у хорошо сохранившегося прошлогоднего яблока. Зато хваленое остроумие испарилось давным-давно.

Дама стоически вытерпела поцелуй Виктории и повернулась к Ровене:

– Я глубоко соболезную твоей потере, дорогая. Бедный Конрад вне себя от горя. Твой отец был замечательным человеком.

Ровена знала, что отец с тетей соблюдали негласную договоренность и всячески избегали друг друга. Но поменяйся они ролями, отец произносил бы сейчас такие же вежливые, пустые слова.

– Благодарю вас, тетя Шарлотта. Как вы себя чувствуете? Очень жаль, что вы не смогли присутствовать на поминках.

Девушка подалась к тете, чтобы поцеловать ее в щеку, и осознала ошибку, когда тетя принялась. Должно быть, от нее разило джином.

Голубые глаза графини наскоро оценили ее с головы до ног, но Ровена знала, что та промолчит. До поры до времени.

– Мне уже гораздо лучше. Спасибо, что спросила. Завтра в домашней церкви состоится небольшая заупокойная служба по вашему отцу. О, Конрад, вот и ты. Не пора ли за стол?

Это означало, что обмен любезностями окончен, и Ровена отошла в сторону. Граф подал руку жене, и процессия направилась в столовую.

Столовых в Саммерсете было две: большая парадная предназначалась для приема гостей и званых вечеров, а вторая, поменьше, – для обеда в семейном кругу. Ровене всегда нравилась малая столовая с низкими потолочными балками и встроенными шкафчиками для фарфора, как будто специально созданная для того, чтобы счастливые семьи преломляли хлеб насущный.

Разумеется, Бакстоны не «преломляли хлеб», они обедали. Даже в домашней обстановке, в своем кругу, на стол подавалось не менее семи перемен.

За длинным полированным темным столом свободно могла разместиться дюжина человек. Тетя Шарлотта сидела в одном конце, дядя Конрад – в другом. Девушки устроились посередине. Ровена задумалась, так ли рассказывалось семейство без гостей, оставаясь втроем, и решила, что скорее всего – да. Сейчас Элейн сидела рядом с ней, а Виктория – напротив.

Ровена с тревогой посматривала на сестру. После дневного приступа та выглядела бледной, и только глаза выдавали возбуждение: взгляд то и дело перебегал с дяди Конрада на тетю Шарлотту. Ровена нахмурилась. Что она затеяла?

Вскоре все выяснилось. Подали отварного лосося, и Виктория заявила:

– Я не могу не сказать, что мне очень не понравилось, как вы обходитесь с гостями.

Элейн уронила вилку на тарелку. По столу разлетелись капельки белого соуса. У Ровены перехватило дыхание при виде дяди Конрада, застывшего в шоке, и тети Шарлотты, которая не моргнула и глазом.

На миг за столом воцарилась тишина, затем тетя ласково улыбнулась:

– И чем же тебя не устроило наше гостеприимство? Тебе не подготовили комнату? Если хочешь, я поговорю с экономкой.

– Нет-нет. Комната прекрасна, тетя, как и всегда. – Виктория, высказавшись, не спешила продолжать и с напускным равнодушием намазала маслом булочку. Откусив немного, запила водой и только потом повернулась к тетушке Шарлотте, явно расценив, что толку от той будет больше, чем от дяди Конрада. – Как вы знаете, с нами приехала подруга. Я ожидала, что ее примут как гостью, но вместо этого обнаружила, что ее поселили в каморке наверху.

– Ты привезла гостью? – Тетя Шарлотта покачала головой, сверкнув бриллиантовыми серьгами-капельками. – Я ничего не слышала о гостье. Только о тебе, Ровене и вашей камеристке.

В голосе леди Саммерсет сквозило участие, и Виктория на миг растерялась, однако она не зря славилась упрямством.

– Пруденс. Пруденс и есть моя подруга. Я хочу, чтобы ее переселили, будьте так добры, в другую комнату. А если это невозможно, она может спать со мной. Дома мы часто спали вместе, ничего страшного.

Сидевшая рядом Элейн охнула, а у Ровены бешено заколотилось сердце. Она взглянула на тетю Шарлотту, чтобы оценить реакцию, но та сохраняла непроницаемый вид.

– Ох, милочка. Я понимаю твое смущение, но эта девушка твоя камеристка, а не подруга. Со слугами можно – и должно – вести себя по-дружески, но если видеть в них равных, они отобьются от рук. Даже моя Гортензия, в которой я души не чаю, сорвется на вольности, если я допущу излишнюю фамильярность.

Виктория сидела ошеломленная.

– Но времена меняются, тетя, – попыталась она опять, но ее перебили:

– И вовсе не к лучшему. У всех есть обязанности: у нас свои, у прислуги свои. Моей, например, является обеспечить бедным осиротевшим племянницам хорошее воспитание и найти им достойных мужей, хотя порой я недоумеваю, за что Господь наградил меня тремя девицами на выданье.

Ровена больше не могла сдерживаться:

– Поймите же, тетя Шарлотта, мы с Викторией очень признательны и вам, и дяде Конраду, но наше воспитание уже завершилось.

– Я не обрету покоя, пока не передам вас на попечение подходящих мужей. Только тогда я смогу сказать, что выполнила свой долг. Разве не так, Конрад?

– Полностью согласен, – кивнул дядя.

Виктория потрясенно переводила взгляд с одного на другого. Ровена послала ей яростный взгляд, но та проигнорировала его.

– Простите, но я не понимаю, какое отношение это имеет к тому, чтобы Пруденс осталась со мной.

– В том-то и дело, дорогая, – натянуто улыбнулась тетя Шарлотта. – Ты молода и естественным образом склоняешься к идеализму. Как старшие, мы с дядей обязаны защитить вас от тех, кто может воспользоваться вашей врожденной добротой. Давайте не будем больше об этом говорить.

Виктория раздраженно швырнула салфетку:

– Защитить меня от Пруденс? О чем вы говорите?

– Довольно! – загремел дядя.

Все замерли, в той или иной мере потрясенные. Даже дворецкий Кэрнс, двадцать лет прослуживший в особняке, чуть не споткнулся, подавая жаркое из зайца. Ровена никогда не слышала, чтобы дядя повышал голос. Ему и не требовалось – он и так получал что хотел.

Она потупилась, но краем глаза наблюдала за ним. Его грудь вздымалась, а на щеках выступили красные пятна, однако выглядел он не разгневанным... скорее расстроенным.

С другой стороны стола умоляюще смотрела Виктория. Напрасно, добра не будет. Ровена опустила глаза и промолчала.

И за это она себя ненавидела.

Глава шестая

Все было неправильно.

Семейный склеп располагался в миле от особняка, позади старой часовни, которая пришла в запустение, после того как прадед Виктории возвел новую,

примыкавшую к дому. Усыпальницу, встроенную в небольшую берму[9 - Берма – горизонтальная площадка на откосе. – Прим. ред.], переносить не стали. На верху бермы на высокой мраморной стене были выбиты имена упокоившихся мужчин из рода Бакстонов. Женщин же хоронили вокруг бермы.

Вся семья собралась наверху, созерцая недавно выгравированное в самом низу имя Филипа Александра Бакстона.

Хотя нет, не вся, отметила про себя Виктория. Не хватало Пруденс.

Перед выходом из особняка Виктория шепотом обратила внимание Ровены на этот факт, но в ответ получила убийственный взгляд. Ровена не хотела раскачивать лодку; она боялась выпасть и утонуть.

А вот Виктория не боялась.

Она то и дело поеживалась и переминалась, чтобы согреться. Сестры с кузиной отказались от поездки в карете и отправились к склепу пешком. Они предусмотрительно закутались в вязаные шарфы и надели твидовые платья и удобные туфли, но холод пронизывал, и Виктории не терпелось, чтобы викарий перестал наконец вещать и перешел к делу. Но тот все говорил и говорил, хотя в его речи не было ни малейшего смысла. Вчера за обедом Виктория усвоила урок – лучше помалкивать.

Разговорами отца не вернешь.

В основании стены белели принесенные кем-то лилии-звездочеты, и Виктория подалась к Ровене:

– Ему же не нравились *Lilium orientalis*, он любил *Scilla nutans*.

Она старалась говорить шепотом, однако тетя Шарлотта шикнула на нее, а викарий выдержал паузу.

– А куда деться, если это правда, – упрямо пробормотала Виктория.

Желая отвлечься, она рассматривала старую каменную часовню, сплошь заросшую английским плющом. *Hedera helix*, сказала она себе. Каштаны, разросшиеся на задворках, скрыли старый сад, а многие витражные окна были разбиты. Вид часовни вполне отвечал настроению девушки: одиночество, пустота и холод.

Со вздохом она повернулась к викарию и заметила, как что-то метнулось в окне. Она присмотрелась, но ничего не увидела. Что это было? Лицо? Животное? По спине пробежали мурашки. Может быть, призрак?

Виктория выбрала себя за разыгравшееся воображение и сосредоточилась на службе. Викарий наконец замолчал, и люди зашевелились. Гроб подняли и чинно понесли по узкой тропинке, ведущей от памятной стены на вершине к склепу по другую сторону бермы.

Сердцебиение Виктории участилось под впечатлением бесповоротности происходившего.

Папа!

Она вдруг поняла, что не вынесет удара железной двери, которая навсегда отрежет отца от солнечного света, и повернулась к роще по другую сторону часовни.

– Увидимся дома, – бросила она через плечо.

– Виктория, подожди! – окликнула Ровена.

Но девушка уже спешно спускалась по склону холма.

Ей хотелось бежать, но она понимала, что со своими легкими далеко не уйдет, и ограничилась быстрым шагом, молясь, чтобы никто не последовал вдогонку.

В роще она ощутила себя в безопасности. Виктория автоматически взялась перечислять роды и семейства деревьев в осеннем убранстве, мимо которых шла. Береза белая, *Betula pendula*; береза пушистая, *Betula pubescens*; яблоня дикая, *Malus sylvestris*; вяз горный, *Ulmus glabra*.

Названия были знакомы ей благодаря многолетним прогулкам с отцом по таким же лесам, где сэр Филип готовился к лекциям, а она слушала. Страсть к ботанике оказалась заразна, и Виктория не знала дела милее, чем изучать растения, выхаживать их и классифицировать. Наблюдения за тем, как семя преобразуется в росток, который расцветет и даст новые семена, являли бесконечное круговращение жизни, утешавшее и восхищавшее Викторию. Она гадала, есть ли в мире ботаники-женщины. Ей следовало спросить у отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzh-braun/abbatstvo-sammerset-kniga-1-semeynaya-tayna/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

2

Глазковый клен, или птичий глаз, – сорт древесины, получающийся в результате нарушения роста некоторых деревьев, в первую очередь клена сахарного. – Прим. ред.

3

Скон – пшеничная или ячменная булочка из несдобного дрожжевого теста. – Прим. ред.

4

Кеджери – индийское блюдо из риса и рыбы. – Прим. перев.

5

Брогам – двух- или четырехместная карета, запряженная одной лошадью. – Прим. ред.

6

Уильям Моррис – выдающийся английский дизайнер XIX века. – Прим. ред.

7

Поль Пуаре – парижский модельер высшего класса, один из самых влиятельных создателей моды. – Прим. ред.

8

Перевод Якова Фельдмана. – Прим. ред.

9

Берма – горизонтальная площадка на откосе. – Прим. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/t-braun/semeynaya-tayna-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)